

Оберег волхвов

Автор:

[Александра Девиль](#)

Оберег волхвов

Александра Девиль

Любовь сквозь века

Захватывающий сюжет романа переносит читателя в Киевскую Русь XII века. Смелый и предприимчивый купец Дмитрий больше всего ценит человеческую жизнь и всегда сражается с теми, кто ее отнимает, будь то степной разбойник, морской пират или наемный убийца. Но не меньше ценит он и свободу выбора. Отказываясь от навязанной ему невесты, он навлекает на себя княжеский гнев и попадает в темницу. И внезапно помощь приходит к нему оттуда, откуда он меньше всего ожидал, а вместе с ней и любовь...

Александра Девиль

Оберег волхвов

Роман

© С. Кравченко, наследник, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Магия истории

Александра Девиль известна читателям как автор историко-приключенческих романов «Перстень Дарины» и «Изумрудное сердце». Поклонникам этого увлекательного и познавательного жанра, без сомнения, будет интересно узнать больше о писательнице и ее произведениях. Предлагаем вашему вниманию фрагмент беседы Александры Девиль с известным журналистом, членом Всемирной Ассоциации русской прессы Леонидом Гамольским.

– Александра, я знаю, что раньше вы занимались наукой. Мы привыкли к тому, что если научные работники приходят в литературу, то, как правило, публикуют документальные, научно-популярные опусы, мемуары. Но откуда у вас такой интерес к художественной прозе, истории, психологии?

– Склонность к творческим занятиям сопровождала меня всегда. Со школьных лет я увлекалась театром, кинематографом, поэзией, немного рисовала. На праздничных вечерах была и сочинителем, и режиссером. В голове постоянно складывались интересные сюжеты. Потом накопленный багаж знаний и наблюдений за человеческими характерами потребовал своего выражения в какой-то определенной форме. Так начались мои литературные опыты. Что же касается истории... В детстве и юности моими любимыми книгами были романы А. Дюма, М. Дрюона, В. Скотта, А. и С. Голон, Генрика Сенкевича. А первой искусствоведческой книгой, которую я прочла еще ребенком, было «Искусство итальянского Возрождения». С тех пор я полюбила романтический колорит прошлых веков, почувствовала магию истории.

– Роман «Оберег волхвов» – о Руси XII века. Почему вас увлекла эта тема?

– Мне давно хотелось написать о восточнославянском Средневековье в традициях западноевропейского историко-приключенческого романа – т. е. уделяя основное внимание не идеологии и политологии, а чувствам и

отношениям людей, духовной и материальной культуре того времени, романтике путешествий и приключений.

«Оберег волхвов» перенесет читателя в древний Киев, приднепровские степи, Монастырский остров (на Днепре перед порогами), Крым, Византию. На фоне этих знакомых и незнакомых мест разворачивается драма трудной любви героев, разлученных коварными интригами, несчастливый стечением обстоятельств и собственной гордостью. Действие романа происходит в начале XII века. Киевская Русь, ослабленная после княжеских междоусобиц на рубеже веков, вновь достигает единства и могущества при Владимире Мономахе. Библиотеки (впоследствии почти все они погибли во времена татаро-монгольского нашествия), великолепные храмы, иконы и мозаики, школы при монастырях, в том числе и женские, – все это свидетельствовало о достойном месте средневековой Руси домонгольского периода среди европейских стран. А еще именно на Руси, с ее опасными и длинными дорогами, появился отмеченный многими историками особый тип купцов-воинов – грамотных, смелых путешественников, благодаря которым поддерживались мирные связи между странами и народами. Таков главный герой романа Дмитрий.

– И все же описание «седой древности» в романе – далеко неглавное. В «Обереге волхвов» открывается целый мир разнообразных чувств и характеров, вполне узнаваемых, несмотря на столетия, которые отделяют нас от героев романа.

– Неудивительно, что они узнаваемы. Время меняет лишь антураж, а душа человека и ныне живет теми же чувствами, страстями, что и десять веков назад.

– Александра, я знаю, что ваша жизнь была далеко небезоблачна, вам пришлось пережить потери близких людей, тяжелую болезнь. И, несмотря на это, в ваших произведениях нет мрачности, они несут жизнеутверждающую, светлую энергетику, даже когда вы пишете о весьма драматичных событиях...

– Творчество помогло мне выжить, найти внутреннюю опору, и я дала себе слово: буду писать так, чтобы душа читателя не погружалась в мрачные бездны пессимизма, а наполнялась верой в красоту, в возможности человека. Я считаю, что искусство должно дарить надежду и любовь к жизни.

– В своих книгах вам удастся популяризировать и романтизировать восточнославянскую историю. Ваш следующий роман тоже будет посвящен этой

тематике?

- В следующем романе читатели встретятся с героями «Оберега волхвов» спустя 35 лет, во времена княжеских междоусобиц на Руси и Крестовых походов в Западной Европе. Главной героиней становится Мария, младшая дочь Анны и Дмитрия. Среди персонажей романа – внук Мономаха Изяслав Мстиславич, французский король Людовик VII, королева Элеонора Аквитанская, известные трубадуры и церковные деятели.

- Меня, как читателя, ваши романы привлекают еще и тем, что они весьма актуальны, поскольку исследуют становление человеческой личности в условиях переломного времени. Наше время тоже можно назвать переломным. Что бы вы хотели пожелать своим читателям?

- Душевных сил и веры в лучшее, несмотря ни на что. А еще желаю, чтобы каждый человек смог реализовать возможности, данные ему природой. Свой путь нужно пройти, даже если на его поиски понадобятся большие усилия, затраты и время.

Глава первая. Происшествие на рыночной площади

Весна 1112 года оказалась неудачной для богатого киевского боярина Тимофея Раменского. Умерла его свояченица игуменья Евдокия, воспитавшая Анну, дочь Тимофея от первого брака. В своем доме боярин все сильнее стал ощущать что-то недоброе, и эти предчувствия угнетали ему душу. А в довершение к домашним неладам объявился именно в его владениях беглый разбойник Быкодер – жестокий и хитрый убийца. Особенно страшный вред нанес Быкодер Раменью[1 - Раменье – густой лес (старослав.).] – отчине боярина Тимофея, что находилась к северо-западу от Киева, на землях, отвоеванных у дремучих древлянских лесов. Разбойник жег избы в раменских селениях, с небывалой жестокостью убивал одиноких путников, а девушек и молодых женщин подстерегал и утаскивал в свою лесную берлогу, где ожидал их ужасный конец. И хотя действовал Быкодер один, без шайки, – никто не мог выследить и

поймать душегуба. Люди уже стали считать его дьяволом, антихристом. А старики, не забывшие еще древних богов и волхвов, шептали, что это Перун мстит киевской земле за свое поругание. Напуганные страшными рассказами о разбойнике, жители Раменья начали покидать свои села и слободки, уходя под защиту городских стен. Кроважадный и неуловимый злодей пугал их не меньше, чем голод или набеги половцев.

Боярин Тимофей стал опасаться, что скоро его тиунам[2 - Тиун - управляющий хозяйством князя или боярина, а также судебный агент.] не с кого будет собирать дань в Раменье, да и сами они не осмелятся туда поехать. И тогда, посоветовавшись с великим князем, боярин объявил награду за поимку разбойника.

В ту пору на Руси великим князем был Святополк-Михаил, занявший некогда Киевский престол благодаря великодушию своего двоюродного брата Владимира Мономаха. Мономах, этот князь-воин, любимый народом защитник Руси от кочевников, мог бы стать великим князем после смерти своего отца Всеволода Ярославича, но уступил престол Святополку, сыну Изяслава, со словами: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной».

Князь Святополк был благосклонен к боярину Раменскому и пообещал ему, что заставит других бояр и купцов войти в долю с Тимофеем, потому что ведь и в их владения мог забраться нелюдь-Быкодер.

Но то, что пугало людей в глухих лесах и отдаленных селениях, казалось не таким уж страшным среди бойкого киевского торжища на Подоле[3 - Подол в Средние века был ремесленным и торговым центром Киева.]. Здесь было, как всегда, пестро и многолюдно. Подворья иноземных купцов, лавки менял и мастерские ремесленников располагались рядом, а потому торговая площадь радовала глаз разнообразием товаров и одежд. Здесь каждый был занят своим делом: кто куплей-продажей, а кто - наблюдениями и расспросами. Немало было и таких, которые попрошайничали или высматривали, где что плохо лежит. Были и хвастуны, пришедшие на площадь лишь затем, чтобы покрасоваться, себя показать. Были и угрюмые, оборванные рабы. Всякие люди приходили на торжище и разговоры вели самые разные. Но о Быкодере не так уж много говорили. А иные гридни[4 - Гридень - воин.], княжие отроки[5 - Княжий отрок - младший член княжеской дружины.] и молодые купцы вообще посмеивались, считая, что Быкодер - выдумка темных древлянских смердов[6 - Смерд -

крестьянин.], что-то вроде очередной сказки о Соловье-разбойнике или Идолище поганом.

Трудно было чем-то удивить бойких завсегдатаев рыночной площади. И все же появление некоего лица вызвало интерес у многих. Не обращая внимания на удивленные возгласы зевак, к торговым рядам медленно и важно приближался молодой красавец в одежде из бархата и царьградского шелка, в сафьяновых сапогах с позолоченными шпорами. Его дорогой красный плащ был небрежно откинут назад, дабы не скрывать расшитые золотыми нитями оплечья. Парчовая шапка с собольей оторочкой, лихо заломленная на одно ухо, непонятно каким чудом удерживалась на русых кудрях. На груди его красовалась тяжелая золотая цепь, на пальцах и на рукояти сабли сверкали самоцветы. Рядом с роскошным щеголем вышагивали два спутника, одетые как княжие отроки. Один из них нес расшитую шелком суму – очевидно, для покупки дорогих товаров. Другой же с важным видом держал над головой своего господина диковинный и очень модный предмет, который иноземцы называли «парасоль», а местные жители – «подсолнучник». Это сооружение защищало белое лицо господина от ранних и уже довольно жгучих лучей майского солнца.

Женщины и девушки всех сословий – кто открыто, а кто украдкой – провожали глазами нарядного красавца.

В числе прочих смотрела на него не отрываясь и Надежда – дочь искуснейшего в Киеве гончара Вышаты. Она торговала в посудных рядах изделиями своего отца, к которым и сама прикладывала руку, ибо от природы был у нее талант рисовальщицы. Во многом благодаря ее росписям горшки и кувшины Вышаты шли нарасхват. Гончар был человеком строгим и дочь свою на торжище старался не пускать. Обычно Надежда помогала отцу в мастерской или управлялась по дому, а продажей посуды занималась жена гончара да кто-нибудь из его подмастерьев. Но сейчас заболела младшая дочь Вышаты, а потому жена осталась дома.

Надежде пришла помогать ее подруга Варвара. Эти девушки составляли в своем роде заметную пару. Надежда была на редкость красива, но при этом излишне скромна и ненаходчива в разговоре. Варвара же, дочь корчмаря, была, напротив, девицей бойкой и острой на язык и, хотя красотой не отличалась, могла привлечь кокетливым и веселым нравом. Девушкам помогал Ореша – молодой подмастерье гончара.

Тут же крутились еще два парня. Это были завсегда и рынка Юрята и Гнездило. Они занимались доставкой товаров в дома бояр и знатных горожан и любили прихвастнуть своими знакомствами и осведомленностью. Привлеченные красотой Надежды и бойкостью Варвары, молодые люди набивались к ним в добровольные помощники.

Появление на площади неизвестного красавца заметила вначале Надежда, потом – Варвара, которая тут же и высказалась по этому поводу:

– Глядите, какой князь! Ну, прямо Чурила Пленкович! [7 - Чурила Пленкович – персонаж нескольких былин Киевского цикла, щеголь и дамский угодник.] Интересно, откуда прибыл?

Юрята и Гнездило тут же повернулись взглянуть на примечательную фигуру.

– А ведь и правда – князь, – сообщил Юрята. – Только без княжества. И даже без удела. Один блеск да гордыня.

– Как же может быть князь без удела? – не поверила Варвара.

– А он вроде как блуждающий князь, – засмеялся Юрята. – То там, то сям пытается сесть. После смерти его отца все перешло к брату, а этот молодец без земли остался.

– Что ж, уделы теперь дробятся, – заметил Гнездило. – И если этот княжич с родней отца не поладил, то и неудивительно, что стал безземельным.

– Разодет он так, наверное, в долг. Но долги вернет из дядюшкиного наследства. У него со стороны матери есть богатый дядюшка боярин где-то поближе к Теребовлю, – сообщил Юрята.

– И откуда ты все знаешь? – удивилась Варвара.

– А ты разве забыла, что я поставляю товары в дома к знатным людям? Среди прочих и боярину Тимофею Раменскому. Так вот, этот князь – зовут его Глеб – остановился в доме у боярина Тимофея. И знаете почему? Поговаривают, что боярин имеет на него виды как на жениха своей дочери.

– Боярышни Анны? – встрепенулась Надежда. – Той самой, которой никто в Киеве не видел?

– Ну да, той самой, что с малолетства живет в монастыре у тетки. Говорят, она слабоумная и к тому же больно неказистая, рябая.

– Что с того. Зато она боярышня и с богатым приданым, – вздохнула Надежда. – Ей и за такого князя можно...

– А тебе он уже понравился, что ли? – ревниво спросил Юрята и приосанился, вытянувшись во весь свой невеликий рост. – Ишь, засмотрелась...

– А почему бы нам и не засмотреться на такого красавца? – задиристо спросила Варвара. – На тебя, что ль, смотреть, коротыш, или вот на Гнездилку рыжего?

– Красавица отыскалась, – проворчал Юрята. – А на этого князя глаз положили и поважнее вас. Не удивлюсь, если его у боярышни Анны отобьют.

– Кто же? – в один голос спросили Варвара и Надежда.

– А падчерица боярина Тимофея. Та самая Берислава-Устинья.

– Дочка Завиды?

– Да. Дочка ее от первого мужа. Красотка известная.

– И, говорят, такая же ведьма, как мать, – добавил Гнездило. – Тоже и в колдовстве ведает, и в зельях приворотных, и во всяких заговорах.

– Ну, значит, сведет она с ума этого князя, а от боярышни Анны его отвадит, – подвела итог Варвара.

Увлеченные разговором, девушки не обращали внимания на покупателей, предоставив взлохмаченному Ореше самому заниматься торговлей. И только звон разбитого горшка, что выскользнул из рук суетливого подмастерья, заставил их наконец вернуться к посуде. Звон привлек внимание и приезжего красавца. Посмотрев в сторону посудного ряда, князь Глеб сразу заметил

хорошенькое личико Надежды. В несколько шагов он приблизился к ней, окинул ее с ног до головы оценивающим взглядом. Девушка была невысокого роста, но стройная и ладная. Густые темно-русые волосы ее, перехваченные алой лентой, подчеркивали белизну гладкой кожи. Смутившись под пристальным взглядом князя, она опустила свои большие ореховые глаза и залилась румянцем, отчего стала еще привлекательней.

– А вот и главное украшение этой площади, – сказал Глеб, опершись локтем о поставец с посудой и приблизив свое лицо к лицу Надежды. – В разных землях я бывал и могу сказать точно: такую красавицу, как ты, редко повстречаешь. Как зовут тебя, царевна? Чья ты дочь?

– Я не царевна, а дочь простого гончара, – ответила девушка, решившись наконец поднять на него глаза.

– Ну уж не простого, – вмешалась Варвара. – Отец Надежды – Вышата, лучший гончар в Киеве.

– Значит, тебя зовут Надеждой? Хорошее имя. Но, по-моему, тебе больше подходит Ясноцвета.

Заигрывания князя с Надеждой не остались незамеченными. Многие с любопытством наблюдали сценку у посудного ряда. Кто-то уже отправился в мастерскую Вышаты, чтобы сообщить ему о таком внимании к его дочери.

Заметили князя и двое людей – мужчина и женщина, – только что пришедшие на площадь. Женщина, на вид лет сорока, высокая и худая, с благородной осанкой, была одета в очень строгую темную одежду. На ее бледном лице, еще сохранившем былую красоту, угадывалась печать пережитых страданий; горечь таилась в глубине миндалевидных черных глаз. Мало кто теперь узнавал эту рано увядшую красавицу. А между тем она была правнучкой Владимира Святого, внучкой Ярослава Мудрого, дочерью ученого князя Всеволода, сестрой князя-воина Владимира Мономаха, женой – а теперь уже вдовой – германского императора Генриха IV. Княжна Евпраксия Всеволодовна, она же императрица Праксед-Адельгейда, давно уже вела уединенную жизнь в одном из киевских монастырей и на люди показывалась редко. В этот день она лишь затем пришла на торговую площадь, чтобы помочь молодому художнику Феофану купить краски у иноземных купцов. Евпраксия много повидала во время горестных

скитаний по Европе, а от отца своего, князя Всеволода, унаследовала способности к языкам. Потому и не было у монастырских иконописцев и книжников лучшего советчика, чем эта некогда знатная, а теперь всеми забытая женщина.

Феофан, спутник Евпраксии, учился своему мастерству у греческих художников и украсил рисунками множество книг, а теперь расписывал церковь при монастыре, где жила Евпраксия. Бог дал ему талант, но не отпустил даже крупички внешней привлекательности. Феофан был некрасив до безобразия и к тому же горбат. Правда, горб он получил не в раннем возрасте, потому не был, как большинство горбунов, маленького роста, а скорее – среднего.

Евпраксия и Феофан знали Надежду: она иногда приносила посуду в монастырь. Слышали они и о Глебе, а Евпраксия даже была с ним знакома несколько лет назад.

– Не нравится мне, что он эту девочку смущает, – пробормотала она как бы про себя. – Надежда совсем еще ребенок, а Глеб...

Феофану это тем более не нравилось – он ведь тайно и без всякой надежды на взаимность был влюблен в молоденькую дочь гончара. Теперь Феофан угрюмо молчал, не сводя пристального взгляда с князя и девушки.

Появился гончар Вышата и стал сурово выговаривать дочери:

– Я тебя послал посудой торговать, а не с приезжими молодцами любезничать! Негоже честной девушке так себя вести.

– Но что я сделала? – растерялась Надежда. – Я же не виновата...

– Зачем ты дочь свою ругаешь, гончар? – вступился за нее Глеб. – Это я к ней подошел и на разговор ее вызвал.

– Ты, я слыхал, – князь? – обратился к нему Вышата. – А моя дочь – не княжна и не боярышня. О чем тебе с ней толковать? Хочешь посуду купить – покупай, но голову девушке не кружи. А ты, дочка, сама должна понимать, что князь тебе не ровня. Доброе имя легко потерять, если вести себя без оглядки. Иди домой,

Надежда, тут тебе не место.

Девушка вздохнула и, украдкой оглянувшись на Глеба, пошла с площади. После ее ухода князь сразу же потерял интерес к гончарным изделиям и, повернувшись спиной к Вышате, удалился прочь. Через несколько шагов он столкнулся с Евпраксией и Феофаном.

– Вижу, сударь мой, ты привычек своих не поменял, – сурово сказала Евпраксия, преграждая ему путь. – Все так же любишь хвост распускать, словно райская птица павлин. Да только вот что я тебе скажу: ищи ягоды на своем поле, а невинную душу не тронь.

Глеб не сразу узнал в строгой монахине дочь великого князя. Несколько мгновений он изумленно всматривался в ее черты, а потом воскликнул:

– Ты ли это, Евпраксия Всеволодовна?! А я уж года два назад слышал, что ты умерла.

– Да, появлялись такие слухи, когда я ходила к святым местам. Но я умерла только для мирской жизни. Люди обо мне почти забыли, зато Господь наконец вспомнил.

– Так ты теперь уединилась в монастыре и замаливаешь свои грехи? – усмехнулся князь.

Евпраксия не обратила внимания на его насмешку и все так же сурово сказала:

– Кто в чем грешен – о том Богу судить. А ты, сударь, уходи от греха подальше и не смей искушать эту девочку, Надежду, иначе я всем расскажу, какой ты хвастун и распутник.

– Не тебе, сударыня, меня упрекать! – воскликнул Глеб, молодцевато подбоченясь. – Распутником меня называешь, а сама-то ты кто? Уж так прославилась повсюду, что даже скоморохи о тебе поют. И не только у нас. Я недавно ездил с посольством в Германию. Там до сих пор не утихли слухи о твоих приключениях. Да и в Польше и в Чехии был я наслышан...

– А я была наслышана, как ты из Германии с позором бежал, – перебила его Евпраксия. – Поспорил там с одним офицером, а когда он тебя на поединок вызвал, ты струсил и ночью сбежал из Регенсбурга. Да еще все деньги с собой прихватил, так что люди твои там нищими остались, пришлось им едва ли не побираться.

– Это все наветы! Не струсил я и не сбежал! Мне пришлось срочно уехать, потому что за мной прибыл гонец от нашего князя.

– Нет, именно сбежал! С толмачом и двумя крепкими дружинниками для охраны. И какой бы это князь за тобой гонцов посылал? Разве что княгиня или боярыня...

– Лучше молчи, а не то скажу, какая ты...

Бранное слово готово было сорваться с уст князя, – но вдруг вперед стрелой вылетел Феофан и кинулся на спорщика. Однако ударить не успел: Глеб отклонился в сторону, а потом с силой оттолкнул художника от себя. Тут же один из спутников князя быстрым ударом повалил Феофана на землю.

Евпраксия с гневным восклицанием бросилась между Феофаном и Глебом, но князь грубо отстранил ее и снова замахнулся на едва поднявшегося художника.

Однако руку Глеба, уже занесенную для удара, кто-то крепко схватил и дернул назад. Глеб, с трудом удержав равновесие, оглянулся и тут же услышал насмешливый голос:

– Не много чести – сражаться с женщинами да с художниками! Хочешь показать свою удаль – выбирай воина!

В первую секунду Глеб схватился было за саблю, но, рассмотрев своего противника, предпочел не доводить дело до драки, а ограничился словами:

– С воином княжеского рода я бы сразился, но с таким безродным купчишкой, как ты, – не соизволю!

– Да ведь и ты не бог ведь какой князь! Десятая вода на киселе. Но не в родовитости дело. У князя доблесть должна быть княжеская. А я тебя еще с

похода на Дон[8 - Дон - Северный Донец, куда русские дружины ходили на половцев в 1109 и 1111 гг.] запомнил. Ты был храбрым, только когда стоял позади воинов и отдавал команды. Но и команды твои были неверны.

- Не тебе меня учить, голодранец!

- Голодранец? Нет, врешь; я был богатым купцом, да деньги свои потратил, чтобы выкупить друзей из плена. И раз уж я тебя помню, то и ты меня не забыл.

Рыночные зеваки уже со всех сторон обступили спорщиков. Противником Глеба был молодой мужчина высокого роста и крепкого телосложения, черноволосый, смуглый, с горящими черными глазами. Одет он был просто и, пожалуй, бедно, но от этого его облик не становился менее значительным и не проигрывал даже рядом с роскошно наряженным князем. Несколько мгновений противники меряли друг друга взглядами, а потом Глеб с неприязнью заявил:

- Припоминаю. Ты - известный своей дерзостью Дмитрий Клинец, торгош и бродяга. К тому же сын половчанки.

- Да. Ну и что? Моя мать была крещеной половчанкой. Многие знатные люди женились на половецких красавицах. Случалось, что и великие князья. Вот и у Святополка женой была дочь Тугоркана. Может, ты и великого князя будешь этим упрекать?

- Не стану я с тобой препираться. Лучше уйди с дороги.

- А не уйду - что тогда? - насмешливо спросил Дмитрий, уперев руки в бока и заслоняя князю путь. - Может, я хочу, чтобы ты извинился перед этой достойной женщиной. - Он кивнул в сторону Евпраксии.

Тем временем княжие отроки, увидев, какой оборот принимает дело, передали вещи прислужнику, а сами стали по обе стороны от своего господина и положили руки на оружие.

- Уходи, не то хуже будет, - угрожающе произнес Глеб.

Дмитрий засмеялся, сверкнув белыми зубами на смуглом лице, и окинул собеседника пронизывающим, дерзким взглядом. Половецкая кровь сказала в нем лишь смоляной окраской волос и бронзовым оттенком кожи, но не сделала его глаза раскосыми, а скулы – широкими. Правильные черты лица, разрез крупных глаз и легкую волнистость волос он унаследовал по отцовской линии, – а отец его был коренной русич.

Видя, что противник не отступает, и не желая выглядеть проигравшим в глазах толпы, Глеб кивнул своим спутникам и, сделав пару шагов назад, обнажил драгоценную саблю. Тотчас отроки подскочили к Дмитрию с двух сторон и схватили его за руки. Резко развернувшись и встряхнув плечами, он освободился от них и вытащил свой меч из ножен. Тут и отроки взяли за оружие.

– Так ты на поединок меня вызываешь или хочешь, чтоб я сразу с троими сразился? – насмешливо спросил Дмитрий.

– Я ведь уже сказал, что мне с тобой драться не по чину, – процедил сквозь зубы князь. – Но если хочешь – выставлю против тебя поединщика.

– Согласен сразу с двумя твоими отроками драться, да еще и с тобой в придачу, если ты попросишь прощения у этой женщины.

– Что ж, она знатная государыня, у нее не зазорно прощения попросить. – Глеб, усмехаясь, кивнул в сторону Евпраксии.

Любопытная толпа расступилась, освобождая место для драки. Дмитрий быстро приготовился к бою, легко отражая нападки не слишком умелых, но ретивых вояк, да при этом приговаривая с усмешкой:

– Неудобно мне с такими воробьями сражаться. Становись рядом с ними, князь! Интересно будет узнать, у тебя эта сабля для украшения или еще и для дела годится? Ишь, как самоцветы на ней сверкают!

Насмешки Дмитрия и дурашливые выкрики из толпы раздражали Глеба. Он кусал губы от досады, но не знал, как поступить. Наконец Дмитрию надоело играть с неопытными юнцами, и он выбил саблю у одного, потом у другого и поочередно шлепнул их по бокам плоской стороной меча. Пристыженные парни угрюмо поплелись прочь, а Дмитрий обратился к Глебу:

– Вояки твои хоть и неумелые, а все же храбрее тебя. Жаль, что у такого господина они воинскому делу и не научатся. Зато усвоят, что можно нападать втроем на одного.

– Если бы ты пришел сюда не один, а со своими людьми, так тоже бы их на помощь призвал, – возразил Глеб, все еще не решаясь ни спрятать оружие, ни пустить его в ход. – Я не виноват, что у такого голодранца, как ты, нет ни слуг, ни дружинников.

– Думаешь, я один здесь хожу? – усмехнулся Дмитрий. – Ошибаешься. Мои друзья все время недалеко стояли, да только не стали мне мешать. Ведь зазорно было бы нам втроем драться с такими воинами, как ты и твои слуги.

К Дмитрию неторопливо приблизились два его друга: белокурый здоровяк Шумило родом из Новгорода и смуглый худощавый Никифор – грек по происхождению.

– Это, должно быть, те самые дружки, которых ты у половцев из плена выкупил? – язвительным тоном спросил Глеб. – Дорого же они тебе обошлись.

– А дружба вообще дорогого стоит, – заявил Дмитрий. – Еще князь Владимир говаривал: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото».

– А вот ты, князь, все хочешь иметь, не расплачиваясь, – обратился к Глебу Шумило. – Слышал я, как ты придумывал закупам[9 - Закуп – категория феодально зависимого населения. Закупам становились люди, попавшие в долговую зависимость; часто они обращались в рабство как законными, так и незаконными способами.] всякие провинности, чтобы обращать их в рабство. Так бесплатно себе холопов и понабрал. Недаром же на Новгородском вече против тебя столько люду кричало.

– Не было такого! – вскинулся Глеб. – Да и кто тебе поверит? Ты ведь Шумило-гуслияр, площадной скоморох.

– На гуслиях играю, но не скоморох, – возразил Шумило, хмуря брови. – Я из плотницкой семьи, и тебе это известно. Разве не ты заказывал повозку моему

отцу, когда жывал в Новгороде?

– Да ты и не плотник вовсе, а так, перекаати-поле, – с натянутой улыбкой заявил князь, перебегая глазами с Дмитрия на Шумилу и обратно. – Развлекай тут своих дружков, а мне с вами говорить – только честь свою ронять.

Князь повернулся и с важным видом, хотя довольно поспешно, двинулся прочь, рассекая толпу.

– Честь ронять! – усмехнулся ему вслед Шумило. – Нельзя уронить то, чего не имеешь.

Подскочил вездесущий Юрята и, кивнув в сторону Глеба, сказал:

– Наверное, пошел в дом к боярину Тимофею Раменскому. А уж там его Берислава утешит.

– Что за боярин Раменский? – спросил Дмитрий. – Не тот ли, который награду за Быкодера установил?

– Он самый, – подтвердил Юрята. – Его отчина сильно пострадала от Быкодера.

– А Глеб ему кем приходится?

– Он у боярина Тимофея вроде как будущий зять принят. Только непонятно, кто станет его невестой – дочка боярина Анна или его падчерица Берислава-Устинья.

– А этот боярин у князя Святополка в любимцах? – спросил Дмитрий.

– Говорят, не столько он, сколько его жена Завида.

Тут Никифор не без сарказма заметил:

– О, если бы этот боярин жил в Константинополе, так наверняка высоко бы поднялся по пресловутой лестнице, о которой неверные жены говорят: «С нашей помощью вы даже против своей воли взойдете на все семьдесят две ступени»[10

- Семьдесят две ступени – придворные звания византийской табели о рангах.]

Никифор и Дмитрий рассмеялись вместе, ибо только они двое в толпе понимали, о чем речь. Впрочем, остроумность насчет 72 ступеней могла бы понять и Евпраксия, но она с Феофаном стояла поодаль и не расслышала этих слов.

Симпатии рыночной площади были на стороне Дмитрия. Особенно старался похвалить его гончар Вышата, довольный, что молодой купец пристыдил заносчивого князя, пристававшего к Надежде.

Под одобрительные возгласы толпы Дмитрий и его друзья проследовали дальше, в менее людное место. Тут Евпраксия и Феофан приблизились к ним.

- Хочу поблагодарить тебя, – обратилась Евпраксия к Дмитрию. – Мы с тобой не знакомы, но вижу, ты человек благородный, если вступаешься за тех, кто слабее.

- И от меня спасибо, – добавил Феофан, неловко прикрывая подбитую щеку. – Я бы, конечно, и сам дал отпор этому хвастуну, если б у меня оружие было.

Шумило усмехнулся в кулак, а Никифор ободряюще сказал художнику:

- Твое дело – церкви расписывать, а не ломать пальцы в драках.

- Я слышала, что тебя зовут Дмитрий Клинец, – продолжала Евпраксия. – Значит, ты родом из Клинов? Не сын ли ты Степана Ловчанина?

- Он самый. Откуда знаешь обо мне, госпожа?

- Брат сказывал, что был такой Степан из Клинов – первейший лучник, отличался в боях и на ловах. И женат был на крещеной половецкой красавице. Вот я и догадалась, что ты его сын.

- Да, отец мой был одним из лучших стрелков в войске Мономаха. А погиб под Зарубом от предательской стрелы... Неужто князь Мономах до сих пор его помнит?

– Он помнит всех своих лучших воинов... – Евпраксия вздохнула. – Брат потерпел в жизни только одно поражение – на Стугне, когда половцы забросали войско русичей стрелами, как тучей. С тех пор Мономах завел и у себя искусных стрелков. А Степан был первейшим из них. Как же его не помнить? Да и ты, я слышала, отличился в походе на Дон. Говорили дружинники: «Сын Степана Ловчанина хоть и купец, а умеет управляться и мечом, и саблей, и копьем, и стрелами». Это и неудивительно. Русский купец – всегда воин. В одной руке кошелек держит, в другой – меч. Такие у нас торговые пути, что купеческий караван снаряжается, как военный отряд.

Разговаривая с Евпраксией, Дмитрий и его спутники миновали рыночную площадь, вышли на пустырь вдоль дубового тына, ограждавшего подворья иноземных торговых гостей. Яркое, но не палящее майское солнце освободилось от легкой тучки, и в его лучах свежая зелень засияла нарядным изумрудным цветом, купол церкви Св. Ильи вспыхнул золотыми бликами. Дмитрий поднял голову, прижмурился глазами от небесного сияния и чувствуя, как беспричинный восторг наполняет душу. Какое-то смутное предчувствие подсказывало ему, что красота майского дня – это лишь начало его пути к чему-то волнующе-прекрасному.

Спутники с удивлением отметили внезапную задумчивость Дмитрия, а он, предупреждая их вопросы, кивнул в сторону иноземных подворий и сказал:

– Сколько людей к нам приезжает! Греки, немцы, фряги[11 - Фряги – итальянцы (в основном генуэзцы и венецианцы).], армяне, моравы, венгры, евреи... Сколько на свете разных земель! И везде свои красоты, свои обычаи... Трех жизней не хватит, чтобы весь мир объехать. Эх, если б можно было, как в арабской сказке, сесть на ковер-самолет!..

Евпраксия внимательно посмотрела на Дмитрия и спросила:

– А ты больше всего на свете любишь путешествия?

– А как же иначе? Разве это жизнь – сидеть на одном месте, где все давно знакомо и ничего нового не увидишь, не услышишь? Для меня жизнь – только в странствиях. Наверное, потому я и стал купцом.

– Но ведь странствия, дороги – это всегда опасность.

– Зато когда опасность преодолеешь, – словно крылья вырастают.

– У тебя и друзья такие же? – Евпраксия кивнула в сторону Никифора и Шумилы.

– Нам тоже на месте не сидится, – подтвердил Никифор. – Мы и познакомились-то в дороге. А после нас битва сдружила.

– Битва?

– Да. Когда у Крарийского перевоза напали на торговый караван кочевники, не быть бы мне в живых, если б не Дмитрий. Уже кривая сабля нацелилась на мою шею, – но стрела Дмитрия оказалась быстрее. А Шумило и тогда уже был известным силачом: прямо на ходу стаскивал поганых с лошадей и валил их голыми руками.

Евпраксия окинула взглядом здоровяка Шумилу, спросила с улыбкой:

– И эти ручки могут нежно играть на гусях?

– Я ведь родом из Новгорода, а там, почитай, каждый третий – гусяр, а каждый второй – плотник.

– А ты, Никифор, – Евпраксия повернулась к греку, – ты, кажется, из знатного византийского рода?

– Да, но обедневшего. Я рано остался сиротой, и меня взял на воспитание мой единственный родственник – брат матери. Он был священником, близко знал Иоанна Продрома. Еще когда Иоанн был киевским митрополитом, дядя вместе со мной отправился к нему на корабле одного купца. Корабль входил в состав торгового флота из Константинополя. Я был совсем еще мальчишкой, но хорошо помню, как мы плыли через Понт, потом вверх по Борисфену... А возле Канева нас встречало войско, присланное князьями для защиты от половцев. Я еще не знал тогда, что Русь станет моей второй родиной, но мне понравилась эта страна. Зеленые дубравы, чистые реки, степи с серебристой травой – все это было просто, не вычурно, но красиво. И люди на Руси оказались красивыми и добродушными. А ведь я боялся, что попаду в темную Скифию, как рисовали ее в Константинополе.

Беседуя, они медленно приближались к монастырю, где в уединенной келье жила Евпраксия, а Феофан расписывал стены монастырской церкви.

Дмитрий рассказал бывшей императрице, как ездил в половецкое становище, вел переговоры с Ехиром – главой куреня[12 - Курень – соединения нескольких, в основном патриархальных, родственных семей у кочевых народов.], захватившего в плен Никифора и Шумилу. И хотя молодой купец поднаторел в торговых сделках, но на этот раз сбить цену ему не удалось. Половцы, жадные и отошавшие после трудной зимовки, ни за что не уступали, заявив, что с выгодой продадут пленников в Корсуни[13 - Корсунь – русское название Херсонеса Таврического.], а то и оставят их у себя, сделают из них колодников – ведь молодые сильные рабы им и самим нужны. К тому же они пригрозили искалечить пленников, чтобы те не убежали: разрезать им пятки и в рану засыпать рубленый конский волос. Так и пришлось Дмитрию выложить за друзей все деньги без остатка – все, что было припасено на весеннюю торговую кампанию.

– Но это не беда, – подвел итог Дмитрий. – У нас еще есть время. С апреля два торговых каравана ушли по Днепру, а третий отплывает почти через месяц. Вот на него-то мы и должны успеть. Только бы поскорее добыть денег, чтобы закупить товар и ладью для перевозки. А потом вся надежда на удачный торг. В Корсуни у меня есть знакомый корабельщик, я давно заказал ему галиот. Если буду в этот раз с прибытком – и корабль выкуплю, и дела свои поправлю.

– Но зачем тебе морской корабль? – удивилась Евпраксия. – По нашим рекам с порогами он не пройдет. Или ты задумал поселиться в Корсуни и оттуда выходить в Понт и Средиземное море? Но те морские пути давно уже заняты итальянскими и византийскими купцами.

– Ничего, там и для меня место найдется, – улыбнулся Дмитрий. – Если б я хотел только торговать – хватило бы мне ладьи или насада[14 - Насад – усовершенствованная ладья с палубным перекрытием и высокими бортами.]. Плавал бы с другими купцами по изъезженному пути из Киева до Царьграда. Но мне надо больше. Хочу бывать и в Трапезунде, и в Эфесе, и в Антиохии, и в итальянских землях. А повезет – дойду до франкского побережья, а то и дальше на запад.

– Странная тяга к морю у степняка, – задумчиво сказала Евпраксия.

– Степь – она тоже как море.

– Пожалуй... А много ли денег тебе надо? Возможно, я смогу помочь.

– Спасибо тебе, госпожа, но к подаркам я не привык, а занимать у хороших людей не хочу, потому что судьба у меня неверная, могу из странствий не вернуться и долг не уплатить. Конечно, можно взять деньги у ростовщиков, да уж больно процент сейчас высок. От такой лихвы все киевляне стонут, но князь Святополк лихварям покровительствует.

– И не только им, – вздохнула Евпраксия. – Окружил себя Святополк любимцами, а они ему наушничают, вражду сеют. Поверил же он когда-то Давиду Игоревичу, что Мономах – тайный злодей, что бедный Василько[15 - Теревовльский князь Василько был оклеветан и не без ведома Святополка ослеплен. Это вызвало гнев Мономаха и Святославичей. Малодушный Святополк свалил вину на непосредственного исполнителя злодейства – князя Давида Игоревича.] – враг...

– Что ж делать, не в моей власти поменять великого князя, – усмехнулся Дмитрий. – Но я знаю, как добыть деньги с помощью одного из княжеских любимцев. Тех гривен, которые боярин Тимофей обещает за Быкодера, как раз хватит, чтобы закупить товар, нанять ладью и полностью рассчитаться с корабельщиком. Как думаешь, госпожа, не обманет меня Тимофей? А то ведь может пообещать, а потом цену снизить. И что ему сделаешь? Он у Святополка под крылом.

– Как же он может обмануть в таком деле, – возмутился Шумило, – если при всем честном народе на площади его бирич[16 - Бирич – должностное лицо; вызывал на суд, собирал подати и штрафы, публично зачитывал указы.] зачитывал указ и называл награду за Быкодера!

– Что с того? Награда велика, пока злодей на свободе. А когда его убьют или закут в цепи, – князю и боярину награда покажется слишком щедрой.

– Ты так говоришь, Дмитрий, будто разбойник уже у тебя в руках, – заметила Евпраксия. – Его еще надо выследить, поймать, одолеть. Награда потому и велика, что никто не может справиться с этим душегубом. Быкодер – не просто разбойник, он – дьявольское отродье. Нелегкие деньги ты решил добывать себе, Дмитрий Клинец.

– Нелегкие, зато сразу большие. Да и не верится мне, что в своих странствиях я не встречал злодеев похуже Быкодера. И потом, я не один буду, нас трое. И мы не темные запуганные смерды и не смиренные монахи-затворники, а люди бывалые. Если уж мы с местным разбойником не справимся, так что же нам делать в море, где можно на турецких пиратов напороться?

– Храбрость не должна быть безрассудной, – вздохнула Евпраксия. – Но думаю, что напоминать тебе об этом излишне. Ты – купец, а значит, человек расчетливый, рассудительный и не будешь зря рисковать. А я желаю тебе удачи... и той жизни, к которой ты стремишься.

Евпраксия перекрестила на прощание Дмитрия и его друзей. Они приняли ее благословение с благодарностью, но, отойдя на несколько шагов, уже заговорили о своем, строя планы на будущее и обсуждая, с чего начать охоту на Быкодера. Предстоящие дела занимали их гораздо больше, чем беседы и советы благочестивых обитателей монастыря.

Зато Евпраксия и Феофан долго стояли у ворот обители и смотрели вслед необычной троице, пока та не скрылась за углом. Жизнь, на которую они добровольно обрекли себя в монастырских стенах, была спокойной и праведной, но застывшей в своем однообразии. А Дмитрий и его друзья промелькнули мимо, как быстрокрылые призраки другой жизни – бурной, деятельной, наполненной опасностями и борьбой, словно паруса – морским ветром...

Впрочем, Евпраксия тоже когда-то испытала в своей жизни бури и опасности и теперь вовсе не жалела о прошлом. Но с мудростью зрелого человека она подумала о той особенной энергии молодости и мужества, которая тянет некоторых людей в большой мир, чтобы познать его и завоевать...

Глава вторая. Заговор

Дом боярина Тимофея Раменского был одним из лучших в Киеве. Увенчанный по центру резным теремом[17 - Теремом в те времена называли вышку с шатровым верхом над парадной лестницей.], а по бокам четырехугольными расписными башенками-повалушами, он красовался среди просторного двора с хозяйственными постройками, конюшней, голубятней и пышно цветущими деревьями сада. Многие горожане, проходя мимо, вздыхали, глядя на эту роскошь и думая, как должны быть счастливы обитатели такого красивого дома.

Между тем за этими крепкими стенами давно уже не было настоящей радости, а шла непрерывная, скрытая от внешнего взгляда борьба.

Главной жертвой этой борьбы был сам боярин Тимофей, ибо он не понимал, что происходит рядом и откуда у него постоянное ощущение опасности и обмана. Вот и сейчас, войдя в одну из горниц второго этажа, он заметил, как сидевшие возле окна Завида и Берислава при его появлении разом смолкли и уткнулись в шитье. В собственном доме он чувствовал себя окруженным тайнами и недомолвками, а изменить ничего не мог. Когда он вслух высказывал свои сомнения и тревоги, Завида сладкими речами всегда умела убедить его, что зря тревожится, что он единственный хозяин в доме и от него нет и не может быть никаких тайн. У Завиды был особый дар завораживать при разговоре своим низким грудным голосом и влекущим взглядом прозрачных желто-зеленых глаз. Только люди, предубежденные против нее, не поддавались этой таинственной магии.

Боярин постоял, посмотрел на жену и падчерицу неподвижным взглядом, а Завида тут же проворковала: «Вот, решили мы к Троице вышить покрывало для церкви». Усомниться действительно было не в чем, и боярин, вздохнув, молча вышел из комнаты.

Он был высок и еще строен, но выглядел гораздо старше своих сорока трех лет. Старили его и опущенные плечи, и ранняя седина, и борода, как у апостолов на мозаиках Святой Софии. Но главное – старило Тимофея изможденное лицо, по которому пролегли слишком глубокие для его лет морщины. Большие глаза боярина запали, окружились темными тенями, и это придавало ему сходство с образами святых мучеников. Никто не знал – и сам боярин тоже, – что было причиной его ранней старости: скрытая ли болезнь, заботы и тревоги или упадок духа. Сплетники поговаривали, что тому виной усыпляющие снадобья Завиды, которыми она опаивала Тимофея, чтобы полностью подчинить его себе. А сама Завида говорила, что муж плохо выглядит из-за того, что слишком ревностно

соблюдает посты и епитимьи.

Едва он вышел из комнаты, как две женщины у окна придвинули головы друг к другу и, забыв об иголках и нитках, заговорили громким шепотом. Они обе были красивы, причем Завида в свои 35 лет выглядела не матерью, а старшей сестрой восемнадцатилетней Бериславы. Сходство матери и дочери было довольно заметным. Только Завида была полней, смуглей, и волосы ее чернотой напоминали вороново крыло, а у Бериславы имели темно-красный оттенок. Глаза же у обеих женщин были совершенно одинаковые: желто-зеленые, с хищным блеском, они, казалось, могли светиться в темноте, как у рыси или дикой кошки.

Именно колдовские глаза Завиды, сверкнув в отдаленной лесной дубраве, когда-то заморозили боярина Тимофея на долгие годы...

После смерти первой жены он безутешно горевал и не думал, что сможет еще кого-то полюбить. Но судьбе было угодно, чтобы однажды во время охоты он оторвался от других ловчих и конь словно сам собой принес его в окруженное лесом селение, где боярин увидел Завиду. И с тех пор Тимофей жил в другом мире, полном опасных и таинственных страстей. А ведь до этого он молился только одному Богу и не верил в силу колдовских чар...

Первая жена боярина, Елена, умерла совсем молодой, когда их дочери Анне едва исполнилось три года. Боярин в то время вел жизнь беспокойную, часто бывал в боях и походах, исполнял княжеские поручения, а потому присматривать за маленькой Анной стала Евфимия, старшая сестра Елены, которая давно приняла постриг и звалась инокиня Евдокия. Когда же через два года после смерти Елены боярин женился вторично, тетушка и вовсе забрала Анну под свою опеку и вскоре уехала с ней в Билгород[18 - Билгород - город на реке Ирпень, близ Киева, важный церковно-политический центр Киевской земли.], где в новом монастыре сестра Евдокия стала игуменьей.

Вторая жена боярина, Завида, тоже была вдовой и имела от первого брака дочь Бериславу-Устинью. Через год после свадьбы у Тимофея и Завиды родился сын Иванко.

Мать Евдокия была недовольна новой женитьбой зятя и старалась держать племянницу подальше от мачехи. Завида и вправду была полной противоположностью первой жене Тимофея.

Елена происходила из семьи набожных христиан, вместе с сестрой училась в женской школе при Андреевском монастыре, основанной дочерью князя Всеволода Анной. Она была обучена чтению, письму, молитвам, церковному пению, шитью и другим рукоделиям. Характер Елены отличался добротой и кротостью, а ее внешняя красота была не жгучей и не броской, но мягкой и спокойной.

Иное дело – Завида, родившаяся в землях Черных Клобуков[19 - Черные Клобуки – разноплеменное тюркское население на южных границах Киевского и Переяславского княжеств, подвластное русским князьям.], выданная в ранней юности замуж за воеводу из дремучего древлянского края. Казалось, она впитала в себя все языческие силы тех диких уголков Руси, куда не проникло до конца новое учение, где с трудом приживалась просвещенная вера.

Завида знала не молитву, а ворожбу, не церковное пение, а русалочки и грища; не была обучена письму, зато умела варить приворотные и прочие зелья; не любила раздавать милостыню нищим, но была очень щедра к преданным ей слугам – людям всегда странным и, как казалось боярину, зловещим. Даже стоя рядом с Тимофеем в церкви, она словно бы обращала свой взор не на иконы и распятие, а на таинственного идола, спрятанного то ли у нее в душе, то ли в глубине дремучего леса. Яркая, хищная красота ее завораживала, неистовые поцелуи и объятия лишали боярина воли, делали его безоружным пленником этой языческой колдуньи, ведавшей тайнами человеческого естества.

С Еленой боярина Тимофея соединяла светлая и возвышенная любовь, к Завиде же влекла темная страсть, порочность которой он понимал, но был бессилен ей сопротивляться.

В те времена на Руси – хоть со дня крещения и прошло более ста двадцати лет – даже среди знатных и просвещенных людей в ходу была двухименность: одно имя – крестное, христианское, другое – мирское, языческое. Однако в семье Елены и Евфимии приверженность новой вере была так велика, что они не признавали никаких иных имен, кроме христианских. И хотя сестры рано остались сиротами, их твердость во всем, что касалось веры, никто не мог поколебать. Дочь, нареченную во святом крещении Анной, Елена никому не позволяла звать иначе, решительно пресекала попытки нянюшек баюкать крошку под привычными им именами Любава или Малинка.

Завида же, напротив, с трудом выговаривала христианские имена. Была ли она сама крещеной – этого никто не знал. Но дочь ее имела крестное имя Устинья. Однако Завида предпочитала называть ее Бериславой, желая своей дочери взять от жизни не только славу, но и все мыслимые блага и удовольствия.

Евфимия и Елена унаследовали после смерти родителей значительное состояние, поделенное между ними поровну. Евфимия свою долю потратила на постройку и учреждение монастыря, где стала игуменьей. Елена же, предвидя, что после ее смерти у Анны может появиться мачеха, свою долю наследства завещала дочери и заставила мужа и сестру поклясться, что они не обидят девочку и не принудят ее против воли выходить замуж или стричься в монахини. И, может быть, именно клятва, данная Елене, просветляла затуманенное сознание боярина и пробуждала его угнетенную волю, когда речь заходила об Анне. Так, он согласился с доводами матери Евдокии, что девочке будет лучше у нее, а не в одном доме с мачехой. В глубине души боярин понимал, что мать Евдокия была права, когда говорила, будто Завида может навести порчу на ребенка или, что еще хуже, отвратить душу Анны от истинной веры и прибрать ее к своим рукам. Но в то же время Тимофей помнил обещание не принуждать Анну к монашеству, если только она сама этого не захочет. А мать Евдокия изо всех сил старалась, чтобы племянница именно этого захотела. Тетушка уже была близка к цели, но внезапная смерть помешала ей довести дело до конца и увидеть Анну монахиней.

Против монастыря не возражала и Завида, рассчитывая, что в этом случае расходов будет меньше, чем при замужестве Анны, и, стало быть, кое-что из наследства Елены останется в доме. Что касается владений и состояния самого Тимофея, то тут Завида была спокойна – единственным наследником был ее сын Иванко.

Мать Евдокия не раз говаривала Тимофею, что у Завиды горят глаза на все Еленино наследство, но заполучить его есть только два способа: либо умертвить Анну, либо полностью подчинить ее, лишить собственной воли. Вздыхая, боярин возражал свояченице, но все-таки держал девочку под ее защитой.

Незадолго до смерти матери Евдокии Тимофей получил письмо от друга молодости Ивана Чудиновича, с которым когда-то плечом к плечу воевал в княжеской дружине. В одном из боев Чудинович был тяжело ранен и не смог больше продолжать жизнь воина. Он поселился в своем имении, что находилось в Теробовльском княжестве. На долгие годы друзья оказались разлучены,

виделись редко, но иногда писали друг другу письма.

А в том письме Чудинович сообщал, что тяжело болен, что жена его умерла, а так как детей у него нет, все состояние он завещал единственному племяннику Глебу – сыну своей сестры. Глеб – княжич, но обедневший, изгнанный родней покойного отца. Чудинович поправит дела племянника, поскольку неустанными трудами в имении, а также удачными торговыми сделками сумел за много лет приумножить свое состояние. И еще Чудинович хотел, чтобы Глеб стал зятем Тимофея, женившись на Анне. Глебу он уже об этом написал, и молодой князь был не против породниться с видным киевским боярином. А тут и случай такой – Глеб едет к больному дяде через Киев. Пусть и остановится на некоторое время у боярина Раменского, познакомится с его дочерью, посватается к ней, – а уж после помолвки отправится в Тербовльское княжество.

Боярин Тимофей, прочитав это письмо, обрадовался предложению старого друга. Он ничего не стал говорить ни Завиде, ни матери Евдокии, которая в то время была уже тяжело больна. Он затаил в себе эту мысль: выдать Анну замуж за человека из хорошего рода, молодого, состоятельного и к тому же племянника лучшего друга. И тогда, даже если уйдет из жизни мать Евдокия или он сам, у его дочери будет надежный защитник и друг.

После смерти матери Евдокии Тимофей хотел забрать Анну в дом, но девушка неожиданно воспротивилась: она поклялась тете, что не покинет монастырь до сорока дней – то есть почти до Троицы. Это было досадным препятствием для планов боярина, так как вскоре должен был приехать Глеб. Но никакие уговоры и приказы на Анну не подействовали. Мать Евдокия научила девушку непреклонно исполнять обеты. А еще боярин стал замечать, как все чаще навещают к Завиде два ее подозрительных родственника. И раньше бывало, что они наезжали, да и Берислава частенько месяцами гостила где-то у родни своего покойного отца, но появление их в доме сразу после смерти матери Евдокии показалось боярину странным. И в довершение ко всему – страшные слухи о Быкодере...

Но, когда приехал Глеб, боярин Раменский заметно приободрился. Статный и нарядный красавец князь ему сразу понравился, хотя и показался немного хвастливым. Впрочем, боярин был снисходителен к слабостям молодежи. Он сообщил Глебу, что знакомство с будущей невестой придется немного отложить, поскольку лишь через двадцать дней она покинет стены монастыря. Глеб не возражал и с удовольствием пользовался отсрочкой, чтобы осматривать Киев,

заводить знакомства, а также покупать обнови в счет дядюшкиного наследства.

Уже через несколько дней после его приезда боярин стал замечать, какими выразительными взглядами обмениваются, сидя за столом, Глеб и Берислава. Потом еще пару раз он заметил их, уединенно беседующих в саду. Невольное подозрение закралось в его сердце, и боярин решил откровенно поговорить с Глебом. Но молодой князь уверил, что смотрит на Бериславу как на будущую родственницу и не помышляет об иной невесте кроме Анны.

Тимофей успокоился и уже начал потихоньку вести подготовку к свадьбе. Да и других дел у боярина хватало: он управлял большим хозяйством, собирал награду для поимки Быкодера, каждый день наведывался во дворец к великому князю Святополку, который последнее время часто хворал.

А в это время за спиной Тимофея кипели страсти и плелись заговоры, достойные ромейских императриц. Берислава, чуть ли не с первого взгляда «положившая глаз» на красавца князя, теперь вместе с матерью обдумывала, как отворотить его от Анны.

– Говорила я тебе, матушка, что зелье, которое привез Горята, никуда не годится. – Берислава, уколовшись об иглу, с досадой бросила шитье на пол. – И варила его вовсе не Зелга, а какой-нибудь торчин или берендей. Зелги, наверное, уже и в живых нет, а они от ее имени продают всякую гадость, дурят людей.

– Нет, дочка, зелье настоящее. Да я и сама умею варить не хуже. Но тут и без всякого зелья можно обойтись. Глеб и так в тебя влюбился, лишь только увидел. Да и кто пройдет мимо твоей красоты?

– Влюбился? Отчего ж тогда он сватается не ко мне, а к Анне? Хвороща подслушала, как он третьего дня ясно сказал боярину, что только Анна может быть его невестой.

– Ах, милая, разве сватаются всегда к тем, кого любят? Анна – дочка боярина, а ты – падчерица. У нее приданое большое.

– А разве у меня нет приданого? Столько лет живя с Тимофеем, ты разве не насобирала?

– Все, что надо, у тебя есть. Но не забывай, что у Анны еще немалое наследство от матери. И до него мы не доберемся.

– Эта дура богаче меня! – Берислава с досадой топнула ногой. – Надо было покупать у Зелги не приворотное зелье, а мертвую воду!

– Потихе, милая. Не забывай, что эта дура живет под защитой монастыря. Но даже здесь, дома, я не стану ее травить. Ведь все подозрения упадут только на нас с тобой.

– Но как же быть? Разве есть другой способ завладеть ее наследством? И отнять у нее Глеба?

– Какая ты, дочка, нетерпеливая. Тебе если чего захочется, так прямо вынь да положи. Вот так же когда-то и с Якуном было. И что хорошего получилось?

– Ах, матушка, не напоминай мне об этом. Сейчас совсем другое. Я люблю Глеба по-настоящему. И если он достанется этой уродине, этой слабоумной...

– Ты правильно сказала, дочка. – Завида лукаво улыбнулась. – Анна действительно слабоумная уродина. Об этом весь Киев знает. А ее глупая тетка только помогла нам тем, что прятала свое дорогое чадо в монастыре. Вот в этом-то я и вижу выход. Надо показать Глебу, какая Анна убогая, надо отвратить от нее нашего красавца князя. И тогда он поймет, что умная красавица Берислава больше годится ему в жены, чем безобразная дурочка Анна.

– Но как это сделать, матушка? Как показать ему, что Анна убогая?

– Золотко мое, пока ты строила глазки своему красавцу, твоя мать уже все обдумала. Деверь мой, а твой дядька Вокша видел от нас немало добра, ведь так? А теперь пусть и он нам послужит. У него в селении под Искоростенем девка живет по прозвищу Грязка. Точь-в-точь такая с виду, какой боярышню Анну описывают. – При этих словах Завида и Берислава вместе хихикнули. – Вчера Вокша привез Грязку в Киев. Но пока никто ее здесь не видел, лицо она закрывает. А что, если завтра или через день Вокша, Хвороща и эта Грязка поедут за Анной в монастырь, привезут ее в Киев? Что, если Глеб ее по дороге увидит? Тогда уж он точно откажется от такой невесты и посватается к тебе.

- Ну а потом? Что мы скажем, когда Анна...

- До Троицы еще десять дней, не станет же Глеб дожидаться, когда эта уродина приедет из монастыря домой. После помолвки с тобой он уедет к дядюшке. А потом, когда вернется, Анны уже не будет на его пути. Мы что-нибудь придумаем.

- Подожди, матушка. Чего-то я не поняла... Ты говоришь, Вокша с холопками привезут Анну в Киев? Но ведь она дала клятву не покидать монастырь до Троицы. И потом, если она поселится у нас в доме, то Глеб узнает...

- А кто говорит, что она поселится в доме? Анна приедет в Киев, но клятву свою не нарушит. До Троицы она останется в монастыре, только не в билгородском, а в киевском.

- Но почему ты решила, что она согласится уехать из Билгорода?

- Тимофей ее заставит. А уж его-то я сумею убедить, что в Билгороде девицу оставлять опасно. Это близко от тех мест, где появляется Быкодер.

- Ах, мама, я знаю, ты убедишь Тимофея в чем угодно! - Берислава обняла и расцеловала мать. - Я хочу быть похожей на тебя. Хочу получать от жизни все, что мне нравится. Хочу так же держать в руках могущественных людей, как ты держишь Тимофея и князя Святополка.

В этот момент рядом послышались шаги, и Завида с Бериславой поспешно взялись за рукоделие. Но опасаться им было нечего: в комнату вошла преданная Завиде рабыня Хвороща. Она поклонилась, смиренно ожидая вопросов госпожи.

- Что скажешь? - вполголоса спросила Завида. - Испробовала сонное питье?

- Да, госпожа. Я подлила его Ончутке, и она проспала с утра до полудня. А потом я ее легко разбудила, и она не помнила, что спала. Даже удивилась: я, говорит, только присела возле прялки, прислонилась к стене и закрыла глаза. А потом смотрю - солнце уже высоко.

- Что ж, это хорошо. Так ты все поняла? Завтра ничего не перепутаешь?

– Я ведь не раз доказывала вам, госпожа, какая я понятливая.

– Верно. Ну а в Киеве уже знают, когда и по какой дороге будет ехать боярышня Анна?

– Несколько молодых дружинников узнали... по секрету. Сейчас они в корчме... и князь Глеб там. Наверное, они не утерпят, расскажут и ему.

Завида чуть заметно улыбнулась и бросила верной холопке монету. Хвороща, поблагодарив, продолжала, однако, топтаться на месте.

– Что у тебя еще? – спросила Завида.

– Сегодня утром на торжище... князь Глеб заигрывал с Надеждой, дочерью гончара Вышаты. Потом поспорил с людьми из монастыря, а после чуть не подрался с каким-то купцом. Простите, госпожа, но вы же просили все рассказывать о нем...

– Хорошо, иди, – сказала Завида, заметив, каким гневом наливаются глаза дочери.

Лишь только Хвороща вышла, Берислава тотчас вскочила с места и в ярости затопала ногами.

– Надежда! Дочь гончара!.. Всякая ничтожная девица хочет ему понравиться!.. Всякая баба старается затянуть его к себе в постель!.. Но когда он будет моим, клянусь, я... Я уничтожу и эту Надежду, и всех других!

– Не горячись, дорогая, – успокоила ее мать. – Даже если все девки и бабы в Киеве из-за него передерутся, – все равно он достанется тебе. А теперь иди погуляй в саду, остынь. А я пойду поговорю с Тимофеем. Мне надо убедить его перевезти Анну в киевский монастырь.

Глава третья. Красавица и уродка

Лес был небольшой и негустой, но, как ни удивительно, Дмитрий Клинец вдруг обнаружил, что заблудился. Этот странный лес как будто затягивал его в свои глубины, направлял куда-то по неведомому пути...

После случая на торжище Дмитрий и его друзья, не теряя времени, отправились на северо-западную окраину Киева, чтобы оттуда, переночевав на постоялом дворе, с утра выехать в Раменье, на поиски Быкодера. Денег у них хватило лишь на то, чтобы заплатить за постой и обед, а ведь надо было еще запастись едой на дорогу. Друзьям ничего не оставалось, как вспомнить свои навыки в охотничьем и рыболовном промыслах. С хозяином постоялого двора договорились, что в обмен на дичь и свежую рыбу он даст им в дорогу хлеба, солонины и вяленых рыб.

Шумило пошел помогать местным рыбакам, а Дмитрий, захватив лук и колчан со стрелами, отправился через лес к заливному лугу, где можно было настрелять диких уток, обойдя пограничные знаки княжеских ловищ и перевесищ. Никифор же остался на постоялом дворе, поскольку там крутилось слишком много подозрительных людишек, которые могли украсть лошадей, – а лошади были тем немногим достоянием, которое оставалось у друзей.

Дмитрий шел через лес в сопровождении своего верного пса Чурная. Пес был волчьей породы, крупный и сильный, он способен был сразиться даже с рысью и вепрем, а быстрота его прыжка была молниеносной. Не раз Дмитрию предлагали продать Чурная, но он не соглашался. Пес уже несколько лет был его преданным другом и надежным защитником, чувшим опасность издалека.

Но в блуждании по лесу верный спутник ничем не мог помочь своему хозяину. Дмитрий чувствовал, что отклонился от нужного направления, что заливной луг находится где-то в стороне, – однако могучие кроны дубов и кленов только шелестели, словно подсмеивались над своим пленником, а колючие кустарники цеплялись за одежду, как будто и вправду в них прятались лешие.

Наконец впереди показался какой-то просвет. Дмитрий устремился туда, по дороге обнаружив целые заросли земляники. Это было кстати, потому что он уже начинал ощущать голод и жажду. Наевшись сочных ягод, он двинулся

дальше и вскоре почувствовал свежий запах реки. Теперь по берегу он найдет дорогу и к утиной заводи, и обратно, к месту своего ночлега. Дмитрий уже готов был издать победный клич, к которому тут же присоединился бы радостный лай верной собаки, но вдруг услышанные им звуки заставили его подавить в себе невольное восклицание.

Девичьи голоса и нежный серебристый смех раздавались где-то совсем рядом. Дмитрий сделал знак Чурнаю бежать потише и не лаять, а сам, стараясь ступать совсем неслышно, подошел ближе к реке и раздвинул прибрежные кусты. Зрелище, которое он увидел, казалось сценой из греческой поэмы, написанной еще в древние, языческие времена.

Четверо юных девушек в коротких белых рубашках, с распущенными волосами плескались в реке, смеясь и сквозь смех что-то выкрикивая друг дружке. Если бы сейчас был не день, а ночь, их можно было бы принять за русалок. Но и при дневном свете тела юных купальщиц, облепленные мокрыми рубашками, казались по-русалочьи прозрачными.

В первые несколько мгновений Дмитрий видел только общую картину, потом стал различать детали. Он обнаружил, что из четверых одна – это уж точно русалка, или греческая нимфа, или восточная пери. Она вышла на берег и стояла к Дмитрию спиной, вытирая свои длинные волосы, которые сияющим золотым водопадом струились вдоль тоненькой, гибкой фигурки. Девушка была высока, стройна, грациозна в движениях, а кожа ее белизной и нежностью напоминала цветок лилии. Солнце просвечивало сквозь тонкую рубашку, подчеркивая каждый изгиб, каждую линию прекрасного юного тела, естественного и целомудренного в своей наготе.

Зачарованный этой красотой, Дмитрий мысленно упрашивал девушку оглянуться, чтобы он мог посмотреть на ее лицо. Но она выполнила его желание только наполовину: повернула голову набок, обращаясь к одной из подруг, и Дмитрий увидел ее нежный профиль – и про себя отметил, что славянские девы куда милее рисованных греческих богинь с их длинными носами, переходящими в покатые лбы.

И в этот момент верный Чурнай впервые в жизни подвел своего хозяина. Заметив какую-то дичь или лесного зверька, он вдруг так громко залаял, что девушки переполошились, бросились на берег, хватая свою одежду и прячась за кустарник. И на миг – на один только миг – золотоволосая красавица оглянулась

в сторону Дмитрия. Он даже толком не разглядел ее лица, лишь успел заметить лазоревый огонь огромных глаз и гордый разлет тонких бровей. Вместе с подругами она кинулась бежать вдоль берега. И тут Дмитрий, желая остановить ее и удержать, выскочил из своего укрытия и закричал:

- Девушки, не бойтесь меня! Я охотник, заблудился в лесу! Прошу вас, покажите мне дорогу!

Но, услышав мужской голос, девушки только ускорили свой бег, скрываясь за деревьями и кустами. Над речкой прошелестели их испуганные, сдавленные крики: «Быкодер!»

Дмитрий бросился вслед за ними, но, зацепившись за прибрежную корягу, упал. Чертыхнувшись, он потерял ушибленную ногу и снова устремился вперед, восклицая:

- Подождите, красавицы! Я не Быкодер!

Однако короткой заминки оказалось достаточно, чтобы купальщицы с визгом перебежали по довольно хлипкому мостику на другой берег реки. При этом одна из них – но не золотоволосая, – убегая, внимательно и не без лукавства оглянулась на Дмитрия.

В азарте преследования молодой купец тоже побежал по мосту, не обратив внимания на ненадежность этого сооружения. Как раз посередине реки мост держался лишь на двух тоненьких жердочках, одна из которых треснула, когда на нее с силой оперся сапог незадачливого охотника. Потеряв равновесие, Дмитрий свалился в воду – и тут же услышал звонкий смех убегающих девушек. В несколько размашистых гребков он достиг берега и, отряхнувшись, взбежал на прибрежную кручу. Девушки уже куда-то скрылись. Дмитрий увидел перед собой стену, окружавшую городской посад. А подалее, за нехитрыми строениями окольного града, возвышался монастырь с каменной церковью. Храм был не таким большим, как главные киевские, но своей красотой и стройностью линий озарял весь окрестный пейзаж и казался чудом путнику, только что выбравшемуся из леса на берег реки.

Дмитрий понял, что девушки скрылись за малозаметными водяными воротами[20 - Небольшие выходы к воде у основания городских стен.], которые теперь были

плотно закрыты. Заметив на берегу первого попавшегося местного жителя – по виду рыбака, – Дмитрий кинулся к нему, чтобы расспросить. Рыбак испуганно отшатнулся от мокрого незнакомца с огромной собакой и уже готов был бежать, но Дмитрий остановил его со словами:

– Не бойся, добрый человек. Я не разбойник и не леший. Ты, видать, тоже принял меня за Быкодера? Я охотился в здешних лесах и заблудился. Потом увидел тех красавиц, хотел с ними поговорить – а они от меня убежали. Кто такие, не знаешь?

– Наверное, они из монастыря, – запинаясь, ответил рыбак. – Говорят, к Троице новых послушниц будут постригать в монахини.

– Понятно, – вздохнул Дмитрий. – Они решили немного повеселиться в последние денечки своей вольной жизни... А как называется этот городок?

– Билгород, господин.

– Далековато я забрался.

Осмотревшись на открытой местности, Дмитрий понял наконец, где он сбился с нужного направления и куда теперь надо идти. Ему снова предстояло перебраться через разломанный мостик, но теперь он уже был осторожен и, проявив чудеса ловкости, оказался на другом берегу. Мокрый, голодный и раздосадованный, он шагал вдоль речки, ругая самого себя: «На дурака всегда приключения найдутся! Сам виноват! Не черти же меня понесли за этими девками гнаться! Эку невидаль нашел! Подумаешь, волосы золотые... богиня, русалка... Скоро эти волосы на пол упадут... и станет она Христовой невестой. А ты, дурак, за ней бегал. Только время зря потерял, да еще вымок весь. Она же над тобой и посмеялась вместе с подружками».

Постепенно Дмитрий понял, что досадует он главным образом не из-за потерянного времени, а от мысли, что этакая красота будет упрятана навеки за монастырскими стенами. Может быть, он единственный из мужчин, кому по чистой случайности повезло увидеть юную златовласку во всей ее красе...

Скоро Дмитрий успокоился и, продвигаясь дальше, сам себе сказал: «Не стоит об этой девушке думать. Она, наверное, из бедной крестьянской семьи, темная и

неграмотная дикарка. Возможно, сирота, которую из милости взяли в монастырь. А не взяли бы – так вышла б замуж за какого-нибудь мужика, такого же простого и дикого, как и сама. Конечно, девушка она красивая, но для чего она мне? Позабавиться с ней? Нет, грешно обижать эту бедную пугливую сиротку. Полюбить ее? Но за что? За одну красоту? Я заскучаю с ней через неделю. И разве мало я в своих путешествиях встречал красавиц? В Корсуни и Константинополе у меня были образованные и умелые любовницы, среди них даже патрицианки. Но ведь я так и не смог никого по-настоящему полюбить. Любовь – это, наверное, не для такого вечного странника, как я. Мой мир слишком широк, чтобы уместиться в объятиях женщины. Для меня нет на свете пары. А если и есть, так уж, во всяком случае, не среди этих крестьянских девчонок, для которых мир кончается за ближайшим лесом».

Остаток дня прошел без приключений. По дороге Дмитрий настрелял несколько уток, успел обсохнуть, подкрепиться лесными ягодами и орехами и к вечеру, когда почти стемнело, явился на постоялый двор. Шумило с уловом рыбы пришел гораздо раньше, и они с Никифором уже начали волноваться за товарища. Дмитрий рассказал о блуждании по лесу, о приключении на реке. Друзья посмеялись над его рассказом, потом поужинали чем Бог послал, обменяли охотничью добычу на дорожные припасы и улеглись спать.

Утром завтракали в корчме, что прилепилась рядом с постоялым двором, и обсуждали предстоящую поездку. Многие посетители знали, что друзья едут охотиться на Быкодера, и теперь забрасывали их советами и предостережениями. Неожиданно в корчму ввалились два молодых дружинника, а с ними сын богатого киевского ростовщика. Все трое были явно навеселе и, желая привлечь к себе внимание окружающих, принялись наперебой сообщать новость, которая их самих, очевидно, порядком забавляла.

– Эй, люди добрые! – провозгласил один дружинник. – Есть среди вас женихи, что богатых невест ищут? Одну такую можно сегодня увидеть.

– Отец ее богаче моего и тоже у князя Святополка в любимцах, – добавил молодой ростовщик.

– Но, говорят, к ней собирается присвататься заезжий молодец, – сообщил второй дружинник. – Вы его, наверное, видели. Красавец, князь. Зовут Глебом.

Услышав это имя, Дмитрий повернулся к говорунам и сказал:

– Знаем мы цену этому князю.

Тут нашлись свидетели недавнего происшествия на торжище, которые включились в разговор, перебивая дружинников и ростовщика. Поднялся гвалт, и ничьих слов уже нельзя было разобрать. Наконец Дмитрию это надоело и он, вскочив на скамью, зычным голосом призвал всех замолчать. А поскольку купцу-мореходу не раз приходилось пересиливать шум морской бури, то уж посетителей корчмы ему не трудно было перекричать. Как только наступило затишье, Дмитрий обратился к первому дружиннику:

– Так что ты хотел сообщить о богатой невесте? Нам тоже деньги нужны. Может, безопасней будет жениться, чем идти на Быкодера? Хотя, конечно, смотря какая невеста.

– Верно! – сквозь общий смех подтвердил дружинник. – Про эту невесту говорят, что от одного ее вида можно стать перепуганным. А если прибавить, что она еще и полоумная...

– Это ты о боярышне Раменской говоришь? – спросил Шумило. – Ходят о ней такие слухи.

– Но князя Глеба это, как видно, не пугает, – усмехнулся Никифор. – Уж очень хочется ему подобраться к ее приданому.

– Да погодите, вы же самого главного не знаете! – замахал руками дружинник. – Думаете, зачем мы сюда забрели? Между прочим, князь Глеб тоже где-то поблизости околачивается. А все почему? Потому что и нам, и особенно ему охота поглядеть на эту боярышню: правда ли, что она такое страшилище. Так вот, сегодня она будет ехать по дороге из Билгорода.

– Из Билгорода? – невольно переспросил Дмитрий.

– Да, из тамошнего монастыря ее перевозят в Киев. Это я точно знаю, мне холопка боярская проболталась. А на краю Копырева конца есть место удобное, чтобы каждого путника рассмотреть. За старым дворцом усмаря Шалыги

начинается крутой подъем, и повозка будет медленно взбираться. Еще и дорога там плохая, размытая. Бывает, люди встают с повозок и проходят это место пешком. Вот там и разглядим боярышню как следует. И князь Глеб тоже. Ну а после уж будем решать, кому она годится в жены. Если князь от нее откажется – так, может, другие охотники найдутся.

Все захохотали, а молодой ростовщик весело выкрикнул:

– Конечно, найдутся! При ее-то богатстве! А с лица воды не пить. Я бы и сам посватался, да мы с ней разной веры.

Набралось немало любопытных, готовых тотчас бежать к Шалыгину двору. Дмитрий и его друзья только усмехались, глядя на этих охотников до зрелищ. Самим им было недосуг отвлекаться на подобную ерунду. Они пошли к постоялому двору и вывели из конюшни своих лошадей, заранее накормленных.

А все-таки одно сомнение не давало Дмитрию покоя. И сейчас, седлая темно-гнедого жеребца Стрибога, он вдруг решил, что тоже присоединится к толпе наблюдателей. Хотя бы для того, чтобы развеять всякие сомнения. Друзья немало удивились, когда Дмитрий предложил им задержаться, чтобы вместе с другими зеваками поглазеть на какую-то нелепую боярышню. Но поскольку Клинец и среди них, и в любой другой компании всегда становился негласным вожаком, они не стали спорить.

Подъехав к Шалыгину двору на лошадях, друзья остановились немного позади, возвышаясь над сборищем любопытных, которые почти все пришли пешком. Верховым был только еще князь Глеб да трое-четверо молодых бояр и купцов – из тех, которых в Риме называли бы «золотой молодежью».

Вскоре раздались громкие возгласы – и тут же на дороге показалась большая повозка, запряженная четверкой лошадей. Протарахтев по камням разбитой дороги, повозка приблизилась к подъему, возле которого медленно, со скрипом, остановилась. Возница слез на землю, поправляя упряжку и проверяя крепление колес. А в повозке, возвышаясь среди груды тюков и сундуков, сидели две молодые женщины: одна – бедно одетая холопка, другая – утопающая в шелках, бархате и золотых украшениях боярышня. Однако лицо этой боярышни было таково, что даже невзрачная холопка казалась рядом с ней чуть ли не красавицей. Рябая, крючконосая, с узеньким лбом и тусклыми слипшимися

волосами, боярышня смотрела по сторонам сонным взглядом, то и дело прикрывая веками крошечные щелки своих глаз.

– Тут дорога плохая, как бы повозка не перевернулась, – сказал кучер. – Придется это место обойти пешком.

Кучер и холопка с большим трудом стащили сонную боярышню с повозки и повели ее под руки. Она шла, заплетаясь ногами и почти не открывая глаз. Это выглядело так смешно и нелепо, что мало кто из наблюдателей удержался от хохота.

– Да она еще и кривобокая! – присвистнул какой-то парень.

– Не хотел бы я, чтоб она мне ночью приснилась! – заявил другой.

– Что ж, недаром этакую-то красоту от всех подальше прятали! – засмеялся еще кто-то.

Боярышня хоть и была в сонном состоянии, но, очевидно, почувствовала насмешку, потому что вдруг остановилась, схватила несколько камней и бросила их в толпу, да при этом еще плюнула и злобно зашипела. Холопка, беспокойно оглядываясь, помогла своей госпоже снова забраться на повозку.

Хохот и дурашливые крики были ответом на выходку боярышни.

– Ну, Глеб, хороша невеста? – спросил один из молодых бояр.

Но князь уже и без этих подковырок сник и помрачнел, лицо его вытянулось, и он старался хоть как-то вымучить улыбку.

Дмитрий не стал ждать дальнейших событий, дал знак друзьям следовать за ним, и скоро все трое скакали по северо-западной дороге, ведущей к древлянским владениям боярина Тимофея.

По пути они, смеясь, обсуждали увиденное зрелище. Дмитрий шутил и потешался не меньше друзей, но в душе чувствовал легкую грусть. «Нет справедливости на свете, – внезапно подумал он с досадой. – Эта уродина,

слабоумная, злобная, станет чьей-то невестой, потом женой, будет наряжаться, помыкать слугами. А та девушка, прекрасная, как фея, навсегда уйдет в монастырь. Это неправильно, когда уродство у всех на виду, а красота скрыта от мира. Красоту нельзя прятать. Надо, чтобы и у нас люди ей поклонялись, как это делали древние греки».

– Скажи, Никифор, – обратился он к другу, – это правда, что в языческие времена в Греции так ценили красоту лица и тела, что прекрасных женщин даже не судили?

– Верно, были такие случаи, – ответил Никифор, немного удивленный вопросом. – Например, когда гетеру Фрину уже ничем нельзя было оправдать, защитник велел ей раздеться. И судьи в один голос сказали: «Ты слишком прекрасна, а потому не можешь быть судима». Да и Елену Троянскую никто не осудил, хоть она была виновницей большой войны.

– Но если христианская вера лучше языческой, почему же она позволяет, чтобы красивые девушки прятали себя в монастыре? Ведь этак когда-нибудь люди вообще разучатся понимать красоту.

– Видишь ли, Дмитрий, – Никифор слегка улыбнулся, – истинные христиане ценят красоту духовную, а не телесную. Мой дядя-священник всегда говорил, что, усмирив плоть, мы спасаем душу. И потом, разве посвящать себя церкви должны только убогие?

– А сам-то ты таким проповедям веришь? – усмехнулся Шумило. – Ученый ты у нас человек, церковные книги знаешь наизусть, но пообжимать красивых девок всегда не прочь.

Они посмеялись, и Никифор в своей обычной манере говорить не то в шутку, не то всерьез изрек:

– Не мешай мне, Шумило, я с нашим другом веду ученую беседу о толковании красоты в различных верах. Могу еще рассказать, как понимают этот вопрос мусульмане, иудеи. Хотя, мне кажется, нашего друга сейчас волнует совсем не это. Ему грустно и досадно, что он так и не смог притронуться к тем красавицам на речке, которые скоро станут монашками. Зато уродливая боярышня у всех на виду, разодета и разукрашена. И это ему кажется несправедливым.

– А разве не так?

– Ты не понимаешь, что христианский Бог ко всем одинаково милосерден. Помнишь, в Священном Писании сказано, что для Господа нет «ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни раба, ни свободного». Так же нет для него ни красивого, ни безобразного, ни умного, ни глупого. Это у древних греков и римлян был такой культ внешней красоты, что некрасивых людей даже не избирали в Сенат. А истинный христианин не должен быть нетерпимым к тем, кого природа не наградила своими дарами.

– Опять проповедь? – поморщился Дмитрий.

– Подумай сам, – невозмутимо продолжал Никифор. – Разве внешняя красота – это заслуга? И разве уродство – вина? Боярышня, над которой все так смеются, не виновата, что родилась такой безобразной и слабоумной. Может, ее зачали в неудачный день или спьяну. Она озлобилась, и это тоже понятно. Но за что ее осуждать? Это Бог так распорядился: не дал ей красоты и ума, зато дал состояние и знатность. Вот если бы душа у нее оказалась так же некрасива, как лицо, – только тогда все имели бы право ее осудить.

Дмитрий посмеивался, слушая ученого друга, а когда тот закончил свою речь, сказал:

– Похоже, ты очень любишь софистику, хоть ее и придумали язычники. Все говоришь как будто верно – а получается не то. Сколько бы ты меня ни путал в этом вопросе, все равно я с тобой не согласен.

И Дмитрий, пришпорив коня, вырвался вперед, давая понять, что спор окончен.

Глава четвертая. Сватовство Глеба

Между тем, пока трое друзей скакали по дороге в Раменье, мрачный и раздосадованный Глеб медленно ехал через Подол, огибая гору Хоривицу. Ему не хотелось возвращаться в дом боярина Тимофея, и он нарочно выбрал кружной путь. Глеб колебался, был в полной растерянности. Потерпев неудачу во многих своих начинаниях, тщеславный княжич возлагал большие надежды на дядюшкино наследство и выгодную женитьбу на дочери знатного киевского боярина. Отказываясь от Анны, он терял не только богатое приданое, но и, возможно, благосклонность собственного дяди. Но и жениться на дочери Тимофея, особенно теперь, когда она была во всеуслышание осмеяна киевскими молодцами, он не хотел и не мог.

Проезжая через ремесленные кварталы, Глеб рассеянно скользил взглядом по мастерским чеканщиков, замочников, плотников и бочаров. Он и не заметил, как оказался близ оврага с глинистыми берегами, где располагался Гончарный конец. Лишь услышав рядом чей-то испуганный возглас, князь вздрогнул и огляделся вокруг. И сразу же глаза его заблестели, и он, выпрямившись в седле, молодецкато подбоченился. Прямо перед ним, у дверей гончарной мастерской, стояла с кувшинами в руках красавица Надежда.

– Ясноцвета! – воскликнул Глеб, наклонясь и заглядывая ей в глаза. – Как же я рад тебя видеть! Бог меня снова свел с тобой, красота ненаглядная.

Девушка растерялась и, запинаясь от волнения, пробормотала:

– Уезжай отсюда поскорей! Вдруг тебя увидит мой отец!..

Но князь, не слушая ее увещаний, спрыгнул с коня и подошел совсем близко к дочери гончара.

– Уходи, уходи, – твердила Надежда, подняв кувшины, словно заслоняясь ими от Глеба.

– Уйду, если пообещаешь, что сегодня вечером, как появится первая звезда, придешь к Аскольдовой могиле. Там на берегу растет большой дуб, вот под ним я и буду тебя ждать.

– Сегодня не могу, – пролепетала Надежда. – Сегодня батюшка весь вечер будет дома работать, а мне велит сесть за прялку.

– А ты отпросись к подружкам, скажи, что будешь вместе с ними рукодельничать.

– Нет-нет... Непривычно мне родителей обманывать. А ну как проведуют?

– Да никто нас с тобой не увидит. Я знаю укромные уголки. И подумай, Ясноцвета ты моя: какая же у тебя будет скучная жизнь, если все будешь делать по указке родителей.

Девушка не отвечала ни «да» ни «нет», только глаза ее растерянно перебежали с Глеба на конец улицы, а потом на раскрытые окна соседней мастерской. Услышав у себя за спиной какой-то звук, она вздрогнула и кинулась в дом. Глеб, вздыхая, снова сел на коня и уже собрался ехать дальше, как вдруг Надежда быстро выглянула в дверь и смущенно кивнула.

Довольный этим неясным обещанием, Глеб двинулся дальше. «Ах, если бы поменять их обликом – Надежду и боярышню Анну...» – мечтал он про себя. Мысль о возможном свидании с дочкой гончара наполняла его радостным предчувствием, а предстоящее тягостное объяснение с боярином отравляло эту радость. Княжич мучительно искал выход из трудного положения: ведь надо было отказаться от Анны так, чтобы не обидеть этим отказом ни Тимофея, ни своего дядю Чудиновича.

Решение пришло внезапно, когда Глеб уже подъезжал к дому боярина Раменского. В одном из окон мелькнул профиль Бериславы, засияли на солнце темно-рыжие волосы.

Нет, он не скажет боярину, что видел его дочь и считает ее уродливой и злобной дурой. Зачем ранить отцовское сердце? Он поступит иначе. Придет к боярину, поклонится ему в ноги и объяснит, что не может жениться на его дочери, потому что полюбил другую девушку. «У Анны при ее достоинствах и знатности будет немало женихов, но мое сердце уже отдано другой», – мысленно произнес Глеб, готовясь к объяснению с боярином. Потом еще придется попросить благословения у Тимофея и Завиды, – ведь этой «другой» являлась Берислава.

Она так же красива, как Надежда, и почти так же богата, как Анна. А с помощью своей ловкой матери со временем может стать еще богаче.

Впрочем, какая-то тень сомнения всегда появлялась на душе Глеба, когда он думал о Бериславе. Что-то затаенно-порочное, опасное было в этой девушке, которую он уже не раз обнимал и целовал в глубине боярского сада. Может, именно это неясное сомнение мешало ему раньше подумать о ней как о возможной невесте.

Но теперь – теперь другого выхода он не видел. Берислава была единственной в Киеве невестой, на которую он мог променять Анну, не вызвав при этом явного недовольства Тимофея. Что бы ни имел боярин в душе, он не посмеет высказаться против дочери Завиды.

О согласии со стороны Бериславы Глеб не думал, ибо не раз уже слышал от нее лукавые и откровенные намеки.

Едва князь вошел в дом, как на него с разбега налетел Иванко – сын Тимофея и Завиды. Это был шустрый и своевольный подросток, не терпевший, когда ему в чем-то отказывали. Его излюбленными развлечениями было по всякому поводу толкать слуг и холопов, командовать соседскими ребятишками, а также стрелять из рогатки по птицам. Сейчас он несся во двор с луком и колчаном – видимо, там затевалась игра в половцев. Глеб едва увернулся, чтобы не наткнуться на стрелу, которой Иванко размахивал во все стороны.

– А, князь-жених! – закричал бойкий отпрыск Завиды, прыгая вокруг Глеба. – Сестрица Анна сегодня в Киев приехала, но до Троицы будет жить в монастыре. Батюшка сейчас туда пошел. А ты правда на ней женишься? И спать вы будете вместе?

– Ты еще слишком мал, чтоб интересоваться такими делами, – недовольно проворчал Глеб, направляясь в горницу.

– А сестрица Анна полоумная! – закричал ему вслед Иванко. – И все наследство мне достанется, а не ей!

Навстречу Глебу вышла Завида и, лукаво прищурившись, спросила:

– Какая забота тебя гнетет, добрый молодец?

Он не мог понять, как это она с порога угадала его смятение, и уже в который раз подумал о том, что Завида все-таки немного ведьма. И, может быть, Берислава тоже. «Ну что ж, если она и ведьма, то, во всяком случае, очень привлекательная, в отличие от своей сводной сестры», – подумал Глеб про себя, а вслух сказал:

– Умна ты, Завида. Наверное, сама обо всем догадалась. Видел я сегодня ту, которую мне прочат в невесты.

– Неужели? Да где ж ты мог ее видеть? Ведь она из монастыря в монастырь перебралась, скрытно от всех живет.

– Вот когда переезжала, по дороге я ее и видел.

– Да, может, это вовсе и не она была?

– Не лукавь, Завида. Все знают, что она. В точности такая, как о ней говорят. Дурные слухи оказались правдивы.

– Ну, если так... – вздохнула Завида и отвернулась к окну. – Не знаю, княжич, какова она. Я ее давно не видела. В детстве Анна и правда была неказистой и глуповатой, но я думала, что она с годами выправится, перерастет.

– Как досадно! – Глеб в сердцах бросил свою шапку на стол. – Если б я знал, что у боярина Тимофея может быть такая дочь... Сам-то боярин – мужчина видный, да и первая жена, говорят, была ему под стать.

– Елена была такая набожная, что даже в постели, наверное, думала о святых мучениках. Как это она еще вышла замуж! Ведь они с Евдокией считали плотскую любовь греховной. Вот Анна и родилась похожей на смертный грех. А ум у нее – как у тех юродивых и блаженных, которым ее мать и тетка любили раздавать милостыню.

– Ладно уж, не богохульствуй, Завида. Лучше помоги мне выпутаться из этой истории.

– Чем же я могу тебе помочь? Может, дать тебе приворотного зелья, чтобы ты полюбил Анну, какая бы она ни была?

– Упаси Бог! – поежился Глеб, услышав коварное предложение Завиды. – Хочешь сделать меня посмешищем? Нет, мне от тебя другая помощь нужна. Лучше дай приворотное зелье той девушке, которую я люблю и хотел бы назвать своей невестой.

– А есть такая? И где же она?

– Совсем близко. Это твоя дочь. Я с первого дня полюбил Бериславу.

– Но говоришь об этом только сейчас, когда увидел Анну?

– Клянусь, не в том дело! – Глеб, когда хотел, мог говорить со страстью и вдохновением. – Даже если бы Анна была красавицей и разумницей, я бы все равно на ней не женился, потому что люблю Бериславу. Никто, кроме нее, мне не нужен. Завтра я должен ехать к дядюшке, но не могу этого сделать, пока не назову Бериславу своей невестой.

– Значит, даже если бы Анна была красавицей и разумницей... – нараспев повторила Завида. – Что ж, я рада это слышать, потому что Берислава тоже любит тебя и ни на кого другого не променяет.

– Правда? Обрадовала ты меня, госпожа. Вот если бы и боярин Тимофей согласился выдать за меня Бериславу...

– А ты скажи ему о своей любви так, как сказал мне. Но ни в коем случае не говори, что уже видел Анну.

Это Глеб и сам понимал. Дальнейшие события в доме происходили быстро и как бы независимо от него. Завида сообщила дочери о предложении Глеба, и Берислава, потупив взор, ответила радостным согласием. Потом пришел боярин, и Глеб сказал ему все так, как собирался. Тимофей долго молчал, чувствуя безмерное разочарование. Ведь совсем недавно княжич уверял его, что не помышляет об иной невесте, кроме Анны. Только что, увидевшись в монастыре с дочерью, боярин намекнул ей, что скоро она познакомится с будущим женихом.

И вот, оказывается, он поторопился: жениха у Анны больше нет. А если и будет, то не этот облюбленный боярином племянник его друга, а кто-нибудь другой, незнакомый.

Встревоженная долгим молчанием Тимофея, Завида поспешила вмешаться. Своим певучим грудным голосом она стала на разные лады объяснять мужу, что грешно разлучать влюбленных, ибо сам Бог вкладывает в сердца людей любовь. Боярин подумал о том, что иную любовь и страсть посылает людям не Бог, а дьявол, но промолчал. Потом Завида говорила, что Анна еще встретит своего суженого, а Глеба она не знает и вряд ли полюбит его так же сильно, как полюбила Берислава; что Анна воспитана в монастыре, а потому ей нужен в мужья не такой щеголь и гуляка, как Глеб, а человек смирный, набожный – ей под стать. Завида говорила долго, убедительно, уставившись пристальным взглядом в лицо боярину. И постепенно Тимофей сникал под огнем ее кошачьих глаз и уже не мог противиться доводам, которые в устах Завиды звучали, как заклинания ворожбы. Так, незаметно для себя, боярин дал свое благословение на брак падчерицы с племянником Чудиновича.

За обедом Берислава была по-особому оживлена, громко смеялась и в открытую обнимала Глеба. Княжичу, хоть он и сам не отличался скромностью, порой становилось неловко от чрезмерной откровенности невесты. Любезничая с Бериславой, он мечтал о свидании с другой девушкой, прикидывал, под каким предлогом вечером уйти из дому.

Еще Глеба немного тревожило предстоящее объяснение с дядей. Конечно, он употребит все свое красноречие, чтобы убедить Ивана Чудиновича, но все-таки кто знает, не разгневается ли тот.

К удивлению Глеба, Завида вдруг тоже заговорила о том, что надо поскорее навестить больного дядюшку и все ему рассказать. Глеб думал, что Берислава будет всячески удерживать его в Киеве, но она согласилась с матерью: дескать, не следует откладывать поездку в Тербовльское княжество.

Быстро прикинув в уме возможные выгоды от такого поворота событий, Глеб заявил, что в дорогу отправится завтра, а сегодня вечером пойдет к знакомому лекарю, который обещал приготовить снадобья для Чудиновича. Про себя Глеб уже решил, что уедет из Киева не завтра, а дня через два, но в доме у Раменских об этом никто не должен знать. Глеб тайком поживет где-нибудь за городом, чтобы встретиться с Надеждой. И если добьется ее любви и обещания ждать, о,

тогда... Сердце легкомысленного княжича замирало от сладкого предчувствия. И хотя в глубине души он понимал, что права была Евпраксия, запрещавшая ему искушать невинную девушку, – все же не мог отказать себе в удовольствии сорвать и присвоить еще один полураспустившийся цветок.

Завида и Берислава, желая закрепить успех, сразу же сообщили о сватовстве Глеба великому князю и другим знатным людям. Тут же был приглашен священник, благословивший обручение молодой пары. Глеб едва успел освободиться от всей этой кутерьмы, чтобы не опоздать на свидание к Надежде. Поскольку считалось, что он идет к лекарю, никто не стал его удерживать. Правда, Берислава хотела пойти вместе с ним, но Глеб заявил, что этот лекарь – очень странный отшельник и не пускает в свой дом женщин.

Глеб ушел, а Завида с Бериславой на радостях даже забыли послать за ним слежку. Через некоторое время Завида все же призадумалась о странном лекаре, которого сама она почему-то не знает, и решила в ближайшие дни непременно выяснить, кто он и откуда.

Глеб пришел в условленное место и уселся под кряжистым дубом, поглядывая то на блестящую в последних отблесках заката гладь Днепра, то на дорогу, по которой должна была прийти Надежда.

Слух о помолвке Глеба и Устиньи-Бериславы уже начал распространяться среди знатных людей; завтра об этом могут заговорить и на торжищах. Успеет ли Глеб добиться любви Надежды до того, как она узнает о его предстоящей женитьбе? А как потом ей объяснить свой поступок? Княжич призадумался, но лишь на минуту. Он, как и Берислава, считал себя вправе получать от жизни все возможные удовольствия – и любым путем.

Через несколько минут Глеб увидел, что между кустами вдоль дороги замелькал белый с красным сарафан Надежды. Дочь гончара приближалась медленно, неслышными шагами. Княжич вскочил и кинулся ей навстречу. Не давая девушке опомниться, обнял ее за плечи и увел в давно облюбованное место, где плакучие ивы образовывали шатер над стволом поваленного дерева.

– Здесь нас никто не увидит, – сказал Глеб и, запрокинув голову Надежды себе на плечо, крепко поцеловал ее в нецелованные губы.

От неожиданности девушка не успела увернуться от поцелуя, но потом, испуганная напором княжича, уперлась руками ему в грудь и запротестовала громким, возмущенным шепотом:

- Не надо!.. Что ты делаешь?! Так ты для этого меня сюда позвал?

- Но ведь ты же пришла, цветочек мой. Разве не понимала, отчего я хочу с тобой встретиться? Разве не видишь, что я тебя люблю?

- Любишь?... Нет, неправда! Ты знаком со мной только два дня.

- Влюбиться можно и за один миг.

- Не верю я тебе! Князя не влюбляются в девушек простого званья.

- Для сердца нет различия в званиях и богатстве.

- Ты любишь меня только для забавы. А для серьезной любви у тебя есть невеста.

- Кто? Эта полоумная уродина, над которой весь Киев смеется?

- Если не она, так ее сводная сестра Берислава... или какая-нибудь другая боярышня, а то и княжна.

Но Глеб продолжал уверять Надежду в своей любви. И в эти минуты он действительно любил только ее одну и не думал ни о препятствиях, ни о последствиях. И в конце концов Надежда поверила в его искренность, ибо люди охотно верят в то, во что им хочется верить. Ведь сама она полюбила молодого красавца с первого взгляда.

В этот вечер Глеб добился от Надежды обещания встретиться с ним и на следующий день.

Далее все складывалось опять же по задумке князя. Он уехал как будто к дядюшке, а сам прожил два дня под Киевом, скрываясь в светлое время от людских глаз, а по вечерам тайно встречаясь с Надеждой. Даже когда до нее

дошли слухи о сватовстве Глеба к Бериславе, он сумел успокоить простодушную красавицу одним только доводом: «Подумай сама: если б я был женихом Бериславы, разве они с матерью отпустили бы меня из дому? Да они бы следили за каждым моим шагом». И Надежда, зная характер Завиды и Бериславы, поверила своему возлюбленному.

А перед самым отъездом в Теробовль он сумел заманить ее в дом, где тайно проживал. Там он все подготовил для свидания. Хозяева пристанища знали толк в подобных делах и, получив плату от князя, свою незаметную снаружи избу обставили изнутри не хуже иных хором. Войдя туда за руку с Глебом, Надежда увидела стол с винами и яствами, украшенный цветами в двух красивых горшках. У стены возвышалась нарядно убранная подушками кровать. Свечи на столе и возле кровати были вставлены в серебряные подсвечники. По комнате разливался сладкий запах каких-то дурманящих трав.

Вначале девушка даже испугалась этой роскоши, хотела тут же бежать обратно, но Глеб удержал ее в своих объятиях и успокоил ласковыми словами:

– Что плохого, ненаглядная, если мы с тобой вдвоем попируем за этим столом? Ведь сегодня наш прощальный ужин.

– Прощальный?... – испугалась Надежда.

– Да, я завтра уезжаю к дядюшке. Но когда вернусь, у нас с тобой будет еще много таких застолий и много прогулок... и вся любовь у нас с тобой – впереди.

Надежда невольно согласилась и впервые в жизни выпила вина. И вскоре ее охватила беспричинная радость, комната заплясала перед глазами, свечи вспыхнули ярче, аромат цветов и трав стал еще слаще. В маленькое оконце избы заглядывали звезды, и Надежде казалось, что они ей радостно подмигивают. Но яснее звезд и свеч были для нее глаза княжича, которые все ближе придвигались к ее лицу... Надежда и не заметила, как очутилась на коленях у Глеба, как без всякого смущения, откровенно и страстно стала отвечать на его поцелуи. Потом девушке показалось, что ее подхватила какая-то упоительная волна, подхватила и понесла ввысь. Надежда, как одурманенная, позволила себя раздеть и уложить в постель. Она забыла все проповеди матери, все строгие наставления отца, все печальные истории о совращенных девушках. В эти минуты для нее существовал только Глеб, его поцелуи, объятия, страстный

шепот, прерывистое дыхание... Даже боль, которую невинная девушка испытала от близости, не отрезвила ее. Влюбленный и опытный князь очень скоро заставил ее забыть об этой боли, придумывая все новые ласки и нежные слова. Долго длилась ночь запретной любви. Девушке не надо было спешить под родительский кров: Глеб уговорил ее сказать родителям, что она до утра идет ночевать к заболевшей подруге. Отец и мать так верили Надежде, что даже не подумали засомневаться в ее словах.

Но все когда-нибудь проходит. Прошли и часы любовного безумия. Наступило утро, и Надежда, открыв глаза и осмотревшись вокруг, с ужасом поняла, что уже никогда не будет прежней. Воспитанная в строгости, она считала свой поступок неискупимым грехом. Со слезами и упреками обратилась она к Глебу:

– Ты опозорил меня, одурманил, посмеялся надо мной! Я теперь грешница, которая не смеет поднять глаза от земли! Что будет с моими родителями, когда они узнают?... Зачем ты это сделал, зачем?... Мало тебе женщин богатых и опытных?

Глеб стал успокаивать ее объятиями и поцелуями, приговаривая, что она лучше всех женщин и девиц, каких он только знает. Но Надежда продолжала плакать и уверять княжича, что, если он на ней не женится, ей остается только умереть. Глеб обещал все устроить к их обоюдному счастью. Он рисовал радужные картины: вот сейчас поедет проведать больного дядюшку, а потом вернется в Киев с богатым наследством и чин по чину посватается к Надежде. И ее родители даже никогда не узнают, что она отдалась ему до свадьбы. Возможно, уверяя Надежду в своих планах, он и сам на какие-то мгновения в них верил.

Между тем сразу же после отъезда Глеба в Тербовльское княжество слухи о его свиданиях с дочерью гончара проникли в дом боярина Раменского. Нашелся человек, знакомый со слугами Завиды, который узнал молодого князя, когда тот вел Надежду в уединенную хижину.

Завида и Берислава, проведав, как обманул их Глеб, вначале пришли в ярость, клялись извести и его, и Надежду. Но затем, поостыв и поразмыслив, рассудили иначе.

– Ведь ты любишь этого подлеца, несмотря ни на что? – спросила мать. – Ты хочешь, чтоб он был твоим и только твоим?

– Да, он будет мой и больше ничей! – воскликнула Берислава, и руки ее сжались хищным движением, словно когтистые кошачьи лапки.

– Ну тогда и не думай вредить ему. Как же ты сможешь заполучить его, если изведешь? Он нужен тебе живой и невредимый.

– Да, верно... Но эту бесстыжую девку я сживу со света!

– погоди. С Надеждой мы всегда успеем разобраться. Дочь гончара нам не опасна. Он все равно на ней не женится, только побалуется. Но баловство его мы быстро оборвем после свадьбы. Важно, чтобы ваша свадьба состоялась. А для этого мы еще не все сделали. Не забывай об Анне. Вернувшись от дядюшки, Глеб может переменить свое решение. Но чтобы его женитьба на Анне стала невозможной, нам надо сделать...

– Что?... – Берислава расширенными, немигающими глазами смотрела на мать.

– Сделать так, чтобы к его возвращению Анна была замужем... за кем-нибудь.

– Но разве это возможно? Мы ведь сами устроили так, что над ней теперь смеется весь Киев. Ни один знатный человек не посватается к Анне.

– Тем лучше. Знатный не посватается – так выдадим ее замуж за простолюдина. Нам польза, а ей – унижение.

– Не получится. Боярин Тимофей, хоть и слушается тебя почти во всем, но за дочку свою стоит горой. Разве он выдаст ее за простого?

– На наше счастье, боярин, как многие старые дружинники, любит героев. Он не раз говорил, что богатырь из простолюдинов ему милей, чем трус княжеского рода.

– Да, верно. На днях какой-то скоморох ему рассказывал про крестьянина Илью, который много лет сидел на печи, а потом сделался богатырем и стал оборонять родную землю от врагов и разбойников. И будто бы сам князь Владимир чтит того богатыря как друга. А наш боярин так заслушался былинной про Илью, что даже прослезился.

– Вот-вот! Богатырь, защищающий землю от разбойников! На нашей земле тоже сейчас разбойник свирепствует – Быкодер. И тот, кто его одолеет, пусть даже смерд или холоп, будет нашему боярину подходящим зятем. Я сегодня же подскажу Тимофею, что он должен увеличить награду за Быкодера. Дескать, добрым молодцам недостаточно денег, пообещай дать в жены победителю твою дочь – и сразу же найдется такой герой, который... Нет, подожди... – Завида порывисто схватила Бериславу за руку. – Мало внушить эту мысль Тимофею. Сегодня вечером я иду к Святополку и подскажу ему, какова должна быть награда за Быкодера. Пусть великий князь повлияет на Тимофея.

– Но, матушка, если за время отсутствия Глеба никто не одолеет Быкодера, Анна ведь так и останется незамужней. И тогда...

– Эх, жаль, что Биндюк женат! – воскликнула Завида, прищелкнув пальцами. – Вот он бы уж точно одолел разбойника и взял бы нашу девицу со всем ее приданым.

Биндюк, о котором говорила Завида, был сыном ее тетки и, стало быть, приходился ей двоюродным братом. Этот здоровенный и грубый мужик, называвший себя боярином, жил далеко от Киева, в местах, где власть княжеского закона была почти неощутима и где Биндюку с его людьми не составляло труда захватывать чужие земли и грабить богатых путешественников. От настоящих разбойников он отличался только тем, что платил князю дань и поставлял людей для княжеского войска. Да и в разбойных нападениях его пока никто не мог уличить, потому что Биндюк со товарищи всегда выходили на большую дорогу в бедняцких отрепьях и с завязанными лицами. Впрочем, все, что удавалось наgrabить, он так же быстро проматывал в разнузданных кутежах. Биндюк сменил уже несколько жен, сводя их на тот свет по мере того, как они ему надоедали. Бывало, что пользовался он услугами своей двоюродной сестры, присылавшей ему зелья и верных людей для исполнения разных тонких дел. Но, став тайной любовницей великого князя, Завида уже около двух лет не имела никакого общения со своим диковатым родственником, не обменивалась с ним ни слугами, ни подарками. И вот сейчас она вспомнила о Биндюке и пожалела, что занеслась, пренебрегла родством с этим далеким от стольного града головорезом.

– Никогда не знаешь, кто и в какую минуту тебе пригодится, – вздохнула Завида. – Теперь уж я не успею связаться с Биндюком, все ему объяснить, избавить его от жены, привезти сюда... И потом, потребуется время, чтобы он со

своей шайкой отыскал Быкодера и расправился с ним. Нет, не успеть!.. Тут надо что-то другое придумать.

– А может, поручим это дело Олбырю? То-то будет смех, если боярину придется выдать Анну за своего же холопа!

Олбырь действительно был холопом в доме бояр Раменских, но служил он не Тимофею, а Завиде, выполняя темные и запутанные поручения своей госпожи.

– Олбырь хоть и здоровенный детина, но трус, – с презрением сказала Завида. – Он не пойдет на Быкодера. Но... ты, дочка, подала мне мысль. В самом деле, Олбырь может убить и притащить сюда какого-нибудь другого разбойника, послабее. Ведь Быкодера в Киеве никто не знает. Пока все разберутся, что Олбырь убил не его, будет уже поздно: Анна окажется обвенчанной с бывшим холопом.

Берислава даже ударила в ладоши от предчувствия такого унижения сводной сестры. Но для осуществления этих планов предстояло сделать еще очень много, и Завида с дочкой вышли в сад, чтобы там все обсудить в подробностях.

Глава пятая. Награда для победителя

Это случилось через день после того, как перепуганный раменский крестьянин показал Дмитрию и его друзьям, в какой стороне леса находится, по его наблюдениям, логово Быкодера.

Вначале три охотника держались разом, но после безуспешных поисков решили разделиться, чтобы выиграть время, а в конце дня собраться всем в условленном месте.

Они не догадывались, что Быкодер уже заметил их из своего укрытия. Он ждал момента, чтобы перебить охотников поодиночке.

Первой жертвой был выбран Никифор, который и ростом и крепостью сложения уступал друзьям. Разбойник напал на него сзади, одной рукой сдавив ему горло, а другой обхватив за пояс и прижимая его локти к туловищу. Но Быкодер не предусмотрел ловкости Никифора: молодой грек изо всех сил ударил разбойника каблуком в голень, а затылком в подбородок. Ошеломленный внезапной болью, душитель на мгновение ослабил хватку, и Никифор успел позвать на помощь. Его громкий крик взорвал тишину леса: тотчас защелетали испуганные птицы, зашуршали и бросились врассыпную маленькие лесные зверьки, и даже деревья, казалось, громче зашелестели листвой.

Крик Никифора услышал Шумило, который успел отойти не так далеко, как Дмитрий. Не теряя времени, он бросился на звук голоса...

Дмитрий ничего не услышал, но удивился, почему вдруг так забеспокоился и тревожно залаял Чурнай. Верный пес своим особым собачьим чутьем и слухом уловил разлитую по лесу опасность. Дмитрий взялся за ошейник, чтобы успокоить пса, но Чурнай вдруг резко повернул в обратную сторону и, натужно лая, потянул хозяина за собой...

Слух у Быкодера был не хуже, чем у лесного зверя, а потому шаги могучего новгородца он услышал издалека. Отпустив уже почти задушенного Никифора, разбойник с ловкостью рыси взобрался на дерево. Длинный нож он взял в зубы, а короткий, с кривым лезвием, крепко зажал в руке. Когда Шумило, увидев распростертого на земле друга, наклонился над ним, разбойник прицелился кривым ножом в затылок новгородца.

Но за миг до рокового удара вдали послышался лай верного пса, и Шумило невольно повернул голову, а потому острие ножа вонзилось не в опасную точку под костью черепа, а в плечо. Зарывав от боли, новгородец оглянулся, одновременно выдергивая из раны нож. В следующую секунду, не давая раненому опомниться, Быкодер прыгнул сверху и всей своей тяжестью навалился на Шумилу. Новгородец не успел вытащить свое оружие, а кривой нож разбойника выпал у него из рук, и потому он оказался безоружным перед опытным вооруженным противником. Преодолевая боль в плече, Шумило изо всех сил удерживал руку Быкодера, готовую нанести удар длинным кинжалом. Разбойник был силен не менее новгородца, и через несколько секунд ему удалось высвободить руку и направить кинжал в грудь противника. Шумило быстро отвел лезвие в сторону, разрезав при этом кожу на запястье.

Но в следующий миг из зарослей с громким лаем выбежал Чурнай и вцепился в разбойника. Укушенный Быкодер взвыл от боли, вскочил на ноги, отрывая от себя четвероногого противника и теперь уже направляя свой кинжал против него. Шумило прыгнул на Быкодера, но тот успел распороть брюхо Чурнаю, и верный пес с жалобным воем упал на землю.

Шумило и Быкодер, навалившись друг на друга, катались по траве, оставляя за собой кровавые следы. Раненые, но по-прежнему равные по силе, они рычали от боли и ярости, оскалив зубы и вцепившись друг в друга мертвой хваткой.

И тут на поляну выбежал Дмитрий, который отстал от Чурная на несколько мгновений, оказавшихся для четвероногого друга роковыми. С первого взгляда оценив обстановку, он бросился к дерущимся и в момент, когда Быкодер был наверху, крепко дернул его за волосы. Разбойник невольно повернул голову – и Дмитрий тут же отвесил ему мощный удар в челюсть, а потом под дых. Оглушенный Быкодер ослабил хватку, и Шумило поднялся на ноги. Дмитрий, наступив коленом на спину противника, заломил ему руки и приказал Шумиле достать веревку из сумы, что висела у купца на поясе. Вдвоем они крепко связали Быкодера по рукам и ногам и оставили лежать лицом вниз.

Теперь можно было отдышаться, осмотреться вокруг. Никифор застонал, приходя в сознание.

– Слава Богу, жив, – облегченно вздохнул Дмитрий. – А вот Чурнай...

Верный пес был при последнем издыхании. Шумило, не замечая своих собственных ран, присел возле Чурная и горестно вздохнул:

– Бедный ты наш храбрец... Ведь ты мне жизнь спас...

Дмитрий склонился над Чурнаем, погладил его и взял за лапу, словно прощаясь. Бедному псу уже ничем нельзя было помочь.

Никифор с трудом приподнял голову, окинул взглядом поляну и сразу все понял. Он хотел что-то сказать, но закашлялся: сдавленное горло еще слишком болело.

Дмитрий перевязал раны Шумиле, намочил водой из фляги платок и положил Никифору на шею. Шумило только сейчас почувствовал всю боль от ран. Он сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, едва сдерживая стон.

Дмитрий и Никифор вырыли могилу Чурнаю, принялись засыпать его землей. И в этот момент Быкодер заворочался, пытаясь незаметно ослабить путы.

– Эй, гад, что извиваешься, как червяк? – закричал Шумило. – Думаешь, и сейчас тебе дьявол поможет?

Дмитрий подбежал к разбойнику и, в ярости пиная его ногами, воскликнул:

– Не стоишь ты, нечисть, такой жертвы, как наш Чурнай! Этот пес должен был человеком родиться, а ты, чертово отродье, – шелудивым псом.

– Надо убить его, иначе рано или поздно сбежит, – сказал Шумило.

– Нельзя, его должны судить по закону, – прохрипел Никифор, прижимая руку к горлу.

– Пока закон до него доберется, этот изверг десять раз сбежит и еще много невинных душ загубит, – возразил Шумило.

Дмитрий задумался, прислушиваясь к доводам друзей, а потом решительно взмахнул рукой и сказал:

– Убить его, конечно, было бы надежней. Но как потом докажем, что убитый и есть Быкодер? Нет, тащить в Киев мертвеца или его голову не годится: князь и боярин могут нам не поверить. А взглянув на живого Быкодера, каждый распознает злодея. К тому же можно будет устроить ему привселюдный суд, чтобы другим душегубам неповадно было. Да, вот еще что. Надо взять с собой в Киев нескольких раменских крестьян, которые видели Быкодера. Они должны будут подтвердить, что это именно он. А то ведь на денежки боярина и другие охотники найдутся. – Дмитрий подошел к разбойнику и, снова схватив его за волосы, заглянул в страшные, налитые кровью глаза. – У-у, дьявольское отродье! Силен, гад. Уж если даже Шумило не мог с ним совладать... Как нам этого зверя сейчас дотянуть до деревеньки? На себе тащить – не стоит он того, чтобы мы

надрывались. Развязать ему ноги, чтобы шел своим ходом? Опасно, сбежит. Так что придется кому-то из нас идти в деревню за лошадьми. Шумило ранен, его самого надо будет на лошади везти. А если я пойду, то как оставить этого живодера на раненого Шумилу и на тебя, Никифор? Ты не настолько силен, чтобы справиться с душегубом, если он начнет выпутываться из веревок.

– Я пойду за лошадьми, – сказал Никифор. – И еще крестьян приведу на подмогу. А ты, Клинец, не спускай глаз с этого зверя... Нет, зверем-то его назвать нельзя. Звери так жестоко не убивают своих жертв. Следи за ним, этот нелюдь хитер. А Шумило сейчас ослабел от ран и тебе не помощник.

Никифор, то и дело оглядываясь, скрылся в зарослях. Дмитрий вздохнул, посмотрев на могилу Чурная, потом перевел взгляд на Шумилу и заметил, что его раны сильно кровоточат – особенно та, что на запястье.

– Надо заново перевязать, а то много крови потеряешь, – сказал он, опустившись на траву рядом с новгородцем.

– Не страшно, я ведь здоровяк, – улыбнулся Шумило, преодолевая боль.

– Да, слава Богу. Но я давно заметил, что здоровяки мужчины переносят большую потерю крови даже хуже, чем слабые женщины.

Пока Дмитрий перевязывал раны, Шумило смотрел прямо перед собой, через плечо друга. И вдруг воскликнул:

– Гляди, да он сейчас веревку разорвет!..

Клинец повернулся к разбойнику и увидел, что тот уже почти выпутал ноги и теперь, сгибая колени, старается подняться с земли. Дмитрий резко ударил его ребром ладони по затылку, заставив снова растянуться без движения. Шумило кинулся на помощь другу, но Дмитрий его остановил:

– погоди, руками не двигай, чтобы кровь опять не потекла. Лучше садись ему на спину, придави его к земле, пока я снова буду ноги связывать. Для такого отродья нужны не веревки, а цепи.

Теперь уже друзья ни на секунду не спускали глаз с Быкодера, пока наконец не появилась подмога. Никифор привел с собой десяток раменских крестьян, испуганных и одновременно разъяренных. Не слушая предостережений Дмитрия и Никифора, они кинулись избивать поверженного душегуба. Через минуту Дмитрий понял, что, если так пойдет и дальше, он не довезет разбойника живым и может лишиться заветной награды. Тогда он закричал во всю мощь своего неслабого голоса и принялся оттаскивать крестьян в разные стороны. Они были напуганы столь громким окриком и невольно подчинились человеку, победившему Быкодера. Дмитрий стал перед ними, уперев руки в бока, и произнес небольшую речь:

– Знаете, люди, почему Быкодер так долго свирепствовал в этих краях и никто не мог его одолеть? Не потому, что он какой-нибудь чудо-богатырь, а потому, что все его боялись. Я и мои товарищи тоже не сказочные герои, а такие же обычные люди, как и вы. Просто мы не испугались пойти на разбойника. Главное – одолеть собственный страх, тогда любого злодея можно победить. А пока я вам приказываю не трогать Быкодера. Этого душегуба мало убить здесь, в глухом лесу. Его надо протащить по деревням, а потом по киевским улицам. Надо, чтобы народ видел: зло можно искоренить, если с ним бороться, и никакой дьявол не спасет злодея от справедливой привселюдной казни. А вы поможете нам доставить Быкодера сначала в вашу деревню, а завтра с утра – в Киев. И пусть те из вас, кто особенно пострадал от разбойника, отправятся туда вместе с нами, чтобы обличить Быкодера перед князем и боярином Раменским.

Крестьяне подхватили связанного разбойника, взгромоздили его, как куль, поперек самой выносливой из лошадей. На другую лошадь сел Шумило, на третью – Никифор. Дмитрий вместе с крестьянами пошел пешком.

Вечером в деревне было веселье по случаю избавления от страшного злодея.

Но Дмитрий знал, что за этим весельем кроется много горя и слез, а также неумного желания быстрой и свирепой расправы. И молодому купцу пришлось отказаться и от питания и от внимания деревенских красавиц: всю ночь Дмитрий с Никифором попеременно стерегли запертого в сарае душегуба, чтобы из-за гнева крестьян не остаться без награды.

Шумило ночью хорошо поспал, а раны его деревенский лекарь промыл настоем из целебных трав, так что к утру они уже стали затягиваться.

– На мне как на собаке заживает, – грустно шутил новгородец. – А вот собаке-то нашей как раз и не повезло.

Дмитрий тоже вздыхал, вспоминая верного пса:

– Второго такого, как Чурнай, мне никогда не найти. Жаль его, словно человека...

Возвращаясь в Киев, друзья не знали, что одновременно с ними рассчитывает на награду еще один «герой» – холоп Завиды Олбырь, уже наученный своей госпожой, как действовать и что говорить. Не знали друзья и того, что за время их отсутствия награда за Быкодера увеличилась: теперь к гривнам прибавлялась рука боярской дочери. Завида сумела внушить и Тимофею и Святополку, что герой-победитель, кто бы он ни был, заслуживает знатной невесты.

Вначале Тимофей сомневался: а ну как победителем случайно окажется человек не очень достойный, какой-нибудь смерд или холоп. Тогда Завида подсказала ему, что все равно Анна не может рассчитывать на знатного жениха. Боярин поговорил с верными людьми, и они нехотя подтвердили, что да, действительно, над боярышней почему-то смеются все киевские молодцы. Тимофей был в полном недоумении, но Завида быстро ему все растолковала:

– Удивляться тут нечего. Твоя свояченица Евдокия сама не имела никакого женского ума и дочку твою ничему не научила. Анна хоть и знатная боярышня, а не умеет ни складно говорить, ни к лицу одеваться, ни плавно ходить. Уж так плохо воспитать девушку могла только ее глупая тетка. К тому же Анна ничего, кроме монастыря, не видела, парней она боится, рукавом закрывается. Вот они и посчитали, что она уродлива и безумна. Жаль, конечно, но именитые женихи, знающие себе цену, вряд ли посватаются к Анне. Но чем плох достойный человек простого звания? Вот увидишь, он будет для Анны хорошим мужем.

Слова жены, ее завораживающий взгляд, терпкое сладкое вино, которым она его поила, подействовали на боярина безотказно. Очень скоро он позволил себя убедить, и тогда жаркие ласки Завиды вознаградили его за сговорчивость.

Берислава ликовала: все складывалось по ее хотению. Через день должен был прибыть Олбырь с каким-нибудь убитым бродягой, выдаваемым за Быкодера. А милый ее сердцу Глеб еще месяц пробудет в Тербовле. До его приезда в Киев

Анна уже станет женой бывшего холопа.

Завида и Берислава все заранее подготовили для торжественного дня. Через верных людей по городу распространили слух о прибытии героя, победившего разбойника. Площадь перед домом боярина Раменского была расчищена и чуть ли не усыпана цветами. Здесь с утра уже начали собираться любопытные, но слуги не подпускали их близко к дому. Ожидалось, что сам князь Святополк пожалует, дабы поздравить победителя.

Накануне вечером из монастыря в дом была привезена боярышня Анна. Она согласилась на это с большой неохотой. Тетушка с детства внушала ей недоверие и неприязнь к мачехе и сводной сестре, и теперь Анна ходила по дому, закутавшись в покрывало, избегая любого общения с Завидой, Бериславой и их слугами. Узнав о том, что ее рука предлагается в качестве награды победителю, она испугалась, так как, благодаря монастырскому воспитанию, имела смутное и враждебное представление о браке. Но отец, а также игуменья Гликерия убедили Анну, что она сделает богоугодное дело, если согласится вознаградить героя, избавившего народ от страшного изверга.

С утра Завида и Берислава были очень возбуждены, бегали по дому, то и дело выглядывая в окна. Олбырь должен был появиться с минуты на минуту.

Но неожиданно их планы нарушились: одновременно с Олбырем в Киев прибыли из Раменья настоящие победители.

Уже холоп Завиды появился перед боярским двором, притащив на крупе своего коня убитого бродягу. Уже пришел посланный Святополком княжеский вирник[21 - Вирник – чиновник, решавший уголовные дела.] Фома со своим писцом. Уже боярин с женой приготовились приветствовать «героя».

И тут послышался, все нарастая и приближаясь, шум многоголосой толпы. Это киевляне сопровождали троих друзей и раменских крестьян, которые везли на возке Быкодера, связанного и посаженного в деревянную клетку.

Одного взгляда на страшного разбойника было достаточно, дабы убедиться, что не Олбырь привез настоящего злодея. Дети пугались дикого взгляда и косматой звероподобной головы, начинали плакать. Самые слабые из женщин даже падали в обморок. Набожные люди крестились, уверенные, что перед ними –

одно из воплощений дьявола.

Завида сразу поняла, что ее план с Олбырем провалился. Переглянувшись с дочерью, она быстро прошептала:

– Ничего, выйдет замуж за одного из этих людишек. Они тоже не бог весть какие князья. Пусть не холопы, но смерды.

Шум на площади долго не смолкал. Олбырь вначале пытался доказать, что именно он заслужил награду, но раменские крестьяне засмеяли его и обругали хвастливым вруном. Они принялись наперебой рассказывать боярину и княжескому чиновнику Фоме о том, какие бедствия претерпели их семьи из-за злодейств Быкодера. Крестьяне просили отдать разбойника им в руки, чтобы они могли сами его покарать. В дороге Никифор им объяснил, что по законам «Русской правды»[22 - «Русская правда» – юридический кодекс Киевской Руси, изданный на славянском языке в правление Ярослава Мудрого.] они имеют право отомстить убийце смертью за смерть или взять с него деньги. Но даже будь разбойник сказочно богат, самые бедные из смердов не стали бы брать деньги за гибель и поругание своих детей, жен, сестер и братьев. Жители Раменья дружно требовали смерти чудовища.

По княжескому закону для полного обличения преступника требовалось свидетельство и присяга семи человек, здесь же крестьян было не менее дюжины, а потому их настоятельная просьба о мести являлась правомерной. Боярин Тимофей, посоветовавшись с Фомой, объявил:

– Разрешаем вам взять злодея и казнить по собственному разумению. Но прежде мы должны узнать, кто из вас есть его победитель, достойный княжеской награды.

Крестьяне, а вместе с ними Шумило и Никифор, дружно указали на Дмитрия Берислава, стоявшая за спиной матери и отчима, поднялась на цыпочки, чтобы рассмотреть победителя.

И тут в толпе возникло замешательство. Люди, разгоняемые княжими отроками, отступили в стороны, пропуская к боярскому дому великого князя. Святополк хоть и хворал в последнее время, но все же счел нужным прийти и показать киевлянам, как печется о защите честных земледельцев от убийц и воров. Князь

не пользовался любовью в народе из-за своего корыстолюбия и вероломства. Да и знатные люди, за исключением любимцев, не слишком уважали Святополка, считая, что своим трусливым малодушием в бедствиях он унижает великокняжеское достоинство. Многие понимали, что только славные победы Мономаха уже много лет удерживают Святополка на престоле. Тем более Святополк пользовался каждой возможностью показать свою заботу о народном благе – особенно там, где это ему ничего не стоило. Награда за Быкодера уже была собрана и не нанесла ущерба княжеской казне, а женитьба победителя на боярской дочери даже забавляла Святополка, которого тайная любовница успела настроить против своей падчерицы.

Тяжело ступая и опираясь на посох, великий князь приблизился к хозяевам дома, которые приветствовали его низкими поклонами. В душе Завида теперь досадовала, что сама подговорила Святополка прийти. Если б она знала, что победителем окажется не Олбырь, то наверняка не стала бы придавать этому действию такую торжественность.

Появление великого князя вызвало общее любопытство. Раменские смерды даже отвлеклись от Быкодера, наперегонки пытались рассмотреть человека, который им, жителям лесов и селений, казался чем-то вроде диковинного божества.

А Быкодер еще в дороге начал потихоньку ослаблять свои путы. Когда его провозили по улицам Киева, много зевак подбегало к самому возку, чтобы ударить разбойника или вырвать у него клочок волос. Никто не заметил, как Быкодер, высунув связанные руки между прутьями клетки, снял с пояса одного из драчунов нож и быстро спрятал его у себя в рукаве.

Теперь, воспользовавшись минутным замешательством толпы, он окончательно разрезал все веревки и, крикнув от натуги, разломал деревянные прутья клетки. Люди, стоявшие вокруг, вскрикнули и расступились, увидев злодея внезапно освобожденным. Кто-то пытался встать на его пути, но Быкодер, орудуя ножом, быстро расчистил себе дорогу. «Дьявол!», «Антихрист!» – слышались испуганные выкрики в толпе. Столкнув с коня какого-то княжего отрока, Быкодер вскочил в седло, присвистнул и ударил коня по бокам. И в миг, когда отчаявшимся крестьянам показалось, что злодей в очередной раз уйдет от расправы, стрела, пущенная меткой рукой Дмитрия Клинца, вонзилась меж лопаток Быкодера.

Вздых облегчения пронесся по толпе, когда смертельно раненный разбойник грохнулся на землю. Крестьяне кинулись его добивать. Теперь даже великий князь не так занимал людей, как разбойник и его победитель.

Дмитрий стоял на облучке возка, куда забрался, чтобы точнее попасть в Быкодера. Статная фигура молодого купца возвышалась над толпой, его голова была чуть откинута назад, глаза сверкали, а в руках он все еще сжимал свой крепкий лук. Никифор невольно вспомнил изображения античных героев, стоящих на колесницах с натянутыми луками или с занесенными копьями в руках.

Берислава наклонилась к матери и прошептала:

– Жаль, что такой видный мужчина достанется нашей дуре. Надо было поторопить Олбыря!

– Какая же ты ненасытная, – откликнулась Завида также шепотом. – Мало тебе одного Глеба, так еще и этого подавай? Уймись, дочка. Он хоть и пригожий молодец, но простой мужик.

Дмитрий спрыгнул с возка, подошел к великому князю и боярину Тимофею, слегка поклонился и сказал:

– Вы все видели, государи мои. Мы не стали убивать Быкодера в Раменье, а привезли его на ваш суд. Вашей волей он был отдан для справедливой мести в руки потерпевших от него людей. Но разбойник с помощью дьявола, видно, освободился от пут, и мне пришлось его убить.

Осанка молодого купца была горделива, а речь исполнена спокойного достоинства. Великий князь спросил не без удивления:

– Но кто ты и откуда? Как твое имя? Ты не похож на простолюдина.

– Зовут меня Дмитрий-Ратибор. Еще прозывают Клинец – по названию городка, где я родился. Отец мой, Степан Ловчанин, был воином в дружине князя Владимира Мономаха. А сам я занимаюсь купеческими делами.

Святополк невольно поморщился при упоминании имени Мономаха. Он знал, что держится на престоле благодаря великодушию и храбрости своего двоюродного брата, и эта мысль не давала ему покоя. Втайне он завидовал доблестям и славе Владимира, ревниво примечая похвалы, с которыми дружинники отзывались о князе-воине. И сейчас молодой купец, назвав своего отца, поневоле всколыхнул одно неприятное для Святополка воспоминание. Когда-то давно подобострастные тиуны донесли ему, как сетовал однажды после битвы один из лучших воинов Мономаха Степан Ловчанин, что, дескать, не тот князь посажен на киевский престол. Не забыл Святополк этих обидных слов и сейчас с невольной неприязнью посмотрел на Дмитрия, который, судя по всему, о княжеском престоле думал то же самое.

– Значит, это ты победил злодея и тебе положена награда? – уточнил Святополк, хотя и так все было ясно.

– Не я один, мои друзья не меньше заслужили. Они к тому же потерпели от разбойника телесный ущерб. Шумилу он дважды ранил, а Никифора чуть не задушил.

Дмитрий жестом подозвал товарищей поближе к великому князю. Они подошли и наперебой принялись возражать.

– Мы, конечно, все трое боролись с разбойником, но решающий удар нанес Клинец, – заявил Шумило.

– И только что у всех на виду он поразил злодея своей стрелой, – добавил Никифор.

Да и раменские крестьяне главным победителем называли Дмитрия. В конце концов он согласился:

– Ну что ж, если так считаете, пусть буду я. Не столь уж важно, в чьи руки попадет награда, все равно мы разделим ее на троих.

– Ан нет, – усмехнулся Святополк. – Не всякую награду можно разделить. Деньги – пожалуй, но не жену.

При этих словах друзья недоуменно переглянулись и пожали плечами, однако понять ничего не успели, так как великий князь тут же заявил:

– Негоже вручать награду победителю здесь, посреди улицы. Пойдем, Дмитрий-Ратибор, сын Степанов, на боярский двор, там и получишь все, что тебе полагается.

Молодому купцу ничего не оставалось, как последовать за князем и двумя его дружинниками во двор боярина Раменского. Также туда пошли Тимофей, Завида, Берислава и Фома с писцом. Шумило и Никифор двинулись было следом, но боярские холопы закрыли перед ними ворота. В полном недоумении новгородец и грек стали оглядываться по сторонам, спрашивать у людей:

– Что там еще за тайны на боярском дворе? Почему нас не пустили?

Из-под руки Шумилы вынырнул знакомый друзьям по подольскому рынку Юрята и сообщил:

– Наверное, не хотят, чтобы вы мешали смотринам! Пусть жених и невеста увидятся наедине.

– Какой жених? Какая невеста? – удивлялись друзья.

– А вы разве не знали? – подскочил Гнездило. – Победителю обещана в жены боярышня Анна.

– Как?! Эта безумная уродина? – разом выкрикнули Шумило и Никифор. – Но ведь были обещаны гривны!

– Гривны – само собой, но четыре дня назад княжий бирич объявил, что награда увеличивается. Теперь победитель станет зятем самого боярина Раменского.

– А мы и не знали... Вот так награда! – присвистнул Никифор.

– Господь наш спаситель! – Шумило схватился за голову. – Бедный Клинец, он теперь и деньгам не рад будет.

Между тем боярышня Анна видела и слышала все, что происходило перед отцовским домом. Она стояла у открытого окна на втором этаже и, спрятавшись за занавеской, наблюдала сверху за событиями на улице. Телега с разбойником, жалобы крестьян, суд по княжескому закону, появление великого князя, меткий выстрел Дмитрия, его беседа со Святополком – все было в диковинку Анне, незнакомой с мирской жизнью. Но когда друзья победителя разом назвали боярышню безумной уродиной, она вздрогнула и отшатнулась от окна. Такое Анна слышала о себе уже не в первый раз. Из-за стен киевского монастыря до нее долетали песенки и прибаутки местных шутников, высмеивавших убогую боярскую дочь. Вздохнув, Анна пожалела о билгородском монастыре, где никто не говорил о ней плохо. Племянница игуменьи была ограждена от злых языков. Но после смерти тетушки началось непонятное...

Анна, едва сдерживая слезы, перешла в другую комнату, чтобы видеть из окна уже не улицу, а боярский двор.

Там князь уселся на приготовленную для него скамью с резным верхом, правой рукой важно разгладил седые усы, а левой подбоченился и, быстро переглянувшись с Завидой, изрек:

– Что ж, Дмитрий-Ратибор, одна твоя награда в ларце, а другая – во дворце. – Он махнул рукой в сторону боярского дома.

По знаку Тимофея слуги поставили перед Дмитрием ларь с золотыми монетами. Купец хотел было тотчас взять в руки заслуженную награду, но князь жестом остановил его и сказал с усмешкой:

– погоди. Прежде чем брать приданое, познакомься с невестой.

– С какой невестой? – не понял Дмитрий. – Мне была обещана награда в деньгах, а невесту я не просил.

Тут в разговор вмешался Тимофей:

– Видно, этот молодец отправился на охоту за Быкодером еще до того, как была объявлена новая награда. Он не знает, что...

– Погоди, боярин, – остановил его Святополк. – Я сам все скажу. Так вот, Дмитрий, несколько дней назад мы назначили большую награду, чем была. Мы решили, что герой, победивший такого душегуба, как Быкодер, будь он даже человеком самого низкого звания, заслуживает того, чтобы породниться с боярским домом. Боярин Тимофей Раменский, уважая твою доблесть, отдает за тебя дочь, боярышню Анну. Вас обвенчают в соборе со всеми почестями. Я сам буду присутствовать на свадьбе и дам вам свое княжеское благословение.

– А я от себя добавлю, – вставил Тимофей, – что очень рад такому исходу дела. Я как отец боялся, что победителем окажется человек, не достойный моей дочери. Но ты, слава Богу, мужчина храбрый, честный, из себя видный, да еще сын одного из лучших воинов Мономаха.

Последние слова боярина не понравились великому князю, он недовольно скривился и сказал:

– Хватит расхваливать его, Тимофей, а то этот молодец еще загордится. Ишь, какой важный, даже и не думает нас благодарить за такую честь.

Дмитрий не мог скрыть раздражения и досады. В ответ на последние слова князя он воскликнул:

– Да почему ж я должен вас благодарить?! Награду в гривнах я справедливо заслужил, а от чести породниться с боярином отказываюсь.

– Что?! – Святополк привстал, опираясь на посох. – Не ослышался ли я?... Ты отказываешься от боярской дочери и от княжеского благословения?

Все присутствовавшие во дворе так и ахнули. Дерзость купца перед лицом болезненно самолюбивого князя выглядела необъяснимой. Берислава замерла от удивления и непонятного ей самой восторга. Сейчас она и не знала, чего больше хочет: чтобы Анна вышла замуж, окончательно развязав руки Глебу, или чтобы привлекательный храбрец, победивший разбойника, никогда не достался Анне. Одно с другим было несовместимо, и она снова подсадовала на медлительность Олбыря.

А Дмитрий, между тем, ничуть не смутившись от княжеского недовольства, заявил:

– В таких делах каждый волен сам за себя решать. Я, слава Богу, не раб, и никто меня насильно не заставит жениться. Давайте положенные гривны, а невесту оставьте для кого-нибудь другого.

– Да чем же тебе невеста не угодила?! – воскликнул князь, снова переглянувшись с Завидой.

– Правда, купец, не могу и я понять, – обратился к Дмитрию боярин. – Почему ты отказываешься от моей дочери? Анна – девушка честная, хорошего рода, с большим приданым.

– Не хочу обижать тебя, боярин, – последовал ответ, – но твоя дочь мне не по нраву. В этом деле у каждого свое разумение. Одному подавай приданое и родовитость, а другому нужна красота, доброта, ум, которых у вашей невесты и в помине нет.

– Да что ж ты так порочишь мою дочь?! – вспыхнул Тимофей. – Из твоих слов выходит, что Анна – безумная и злая уродина?... – Тимофей, обычно спокойный, так и затрясся от гнева. – И ты смеешь говорить такое о девушке, которую даже никогда не видел?!

– Однажды я видел ее, мне достаточно, – усмехаясь, ответил Клинец.

Тут Берислава поспешила вмешаться. Она боялась дальнейшего выяснения этого вопроса и к тому же хотела обратить на себя внимание молодого купца. Выступив вперед, Берислава поклонилась великому князю и вкрадчивым голосом сказала:

– Прости, государь мой, что я, девица, осмеливаюсь вмешаться в разговор высокочтимых мужей. Но мне обидно за Анну, она ведь для меня не чужая. Зачем навязывать честную девушку человеку, которому она не пришлась по нраву? Дмитрий не единственный, кто заслужил награду, у него есть еще двое друзей. Пусть купец забирает деньги, а на Анне женится его друг.

С этими словами Берислава выразительно посмотрела на Дмитрия. Ее желтые с прозеленью глаза словно столкнулись с угольно-черными глазами молодого купца. На лице Дмитрия появилась понимающая мужская усмешка: он прочел во

взгляде Бериславы тайный призыв.

Слова падчерицы не понравились Тимофею, и он тотчас заявил:

– Нехорошо это сказано! Моя дочь не залежалый товар, чтобы предлагать ее каждому-всякому. Не хочет купец на ней жениться – вольному воля! Но друзья его тут ни при чем.

– А ты, видать, Берислава-Устинья? – обратился к девушке Клинец. – Так вот, Устинья, – он сделал упор на ее христианском имени, – если ты печешься о своей сводной сестре, так лучше бы не отбивала у нее князя Глеба. А я и мои товарищи не годимся в женихи ни ей, ни тебе.

Берислава даже вздрогнула от такой отповеди. Она почувствовала себя обиженной, отвергнутой. Тут же выразительно переглянулась с Завидой, а Завида – со Святополком. Будто какая-то искра пробежала между главными участниками действия. Великий князь, все больше раздражаясь против Дмитрия, грозно нахмурил брови и сказал:

– Знаешь ли ты, купец, что ни за какие доблести я не прощаю дерзость и неуважение к моим лучшим боярам? Ты сейчас оскорбил боярина Тимофея и его семью, а за это по княжескому закону полагается наказание.

– Я хорошо знаю законы Ярославовы, – заявил Клинец. – Там нигде не написано, что сказать боярину правду – значит оскорбить его. Даже если бы я сейчас погрозил боярину мечом, то с меня полагалась бы только одна гривна пени. Даже если бы я ударил или ранил кого-то из огнищан[23 - Огнищанин – именитый гражданин.], мне пришлось бы заплатить двенадцать гривен в княжескую казну. Но чтобы наказывать свободного человека насильной женитьбой – такого вы не найдете ни в «Русской правде», ни в Кормчей книге[24 - Кормчая книга – перевод греческого Номоканона – кодекса, регулирующего в Византии церковные и светские отношения.].

Святополк, раздосадованный грамотностью молодого купца и его дерзкой отповедью, еще больше распалился:

– Ты вздумал учить меня, наглец?! Так знай, что первейший закон для каждого русича – это подчинение своему князю! В последний раз тебя спрашиваю:

берешь назад свои непочтительные слова о дочери боярина? Соглашаешься жениться или будешь и дальше позорить ее своим отказом?

– Позорить я никого не хочу, – возразил Клинец. – Эта боярышня сама себя позорит, навязываясь в невесты.

– Неправда, Анна никому не навязывается! – крикнул Тимофей. – Мы сами за нее все решили.

– Я понимаю тебя, боярин: ты отец, тебе за дочь обидно, – обратился к нему Дмитрий. – Но пойми и ты меня. Я свободный человек и не терплю, когда меня к чему-то принуждают.

– Ты подданный великого князя! – заявил Святополк. – И я покажу тебе, как следует почитать мою власть. Покажу так, что другим своевольникам неповадно будет. У тебя, Тимофей, я знаю, под домом есть глубокий подвал, – повернулся он к боярину. – Так вот, пусть этот дерзкий бродяга посидит под землей и немного остынет. Взять его!

По знаку повелителя княжеские воины кинулись с двух сторон на купца, но он успел выхватить из ножен меч и, отбиваясь от нападавших, подбежал к забору. Еще мгновение – и Дмитрий перелез бы через ограждение на улицу, но подкравшийся сзади Олбырь и другой боярский холоп успели набросить ему на голову охотничью сеть. Не теряя ни минуты, дружинники и холопы обезоружили купца, связали ему за спиной руки и потащили пред очи князя и боярина.

– Как ты смеешь сопротивляться моим людям?! – закричал Святополк и поднял свой посох, словно собираясь ударить непокорного, но, столкнувшись взглядом с черными сверкающими глазами купца, удержал свою руку на полпути и снова тяжело опустился на резную скамью. Было в лице Дмитрия нечто, заставлявшее людей помимо воли считаться с ним, а часто и повиноваться ему, и даже великий князь с досадой это ощутил.

– Значит, вот какова благодарность княжеская и боярская? – спросил Клинец, оглядывая всех присутствующих во дворе, словно пытаясь найти среди них единомышленников. Но никто не посмел поднять голос против властителя. – Теперь мне ясно, князь, почему ты окружил себя жадными и трусливыми лизоблюдами. Не потому ли, что люди прямые и смелые будут говорить правду,

которая тебе не нравится? А ты, боярин, – обратился Дмитрий к Тимофею, – ты ведь, говорят, был когда-то славным воином. Неужели тебе охота жить в шкуре княжеского любимца, готового отдать хозяину все, даже свою...

– Молчать! – крикнул Святополк и в ярости затопал ногами. – В тюрьму пойдешь за такую дерзость, раб!

– Я не раб и никогда им не буду. Готов служить тебе по закону, но не стану ползать на брюхе ни перед тобой, ни перед твоими любимцами.

Эти слова Дмитрия окончательно вывели из себя Святополка.

– Ну, чего же вы ждете?! – закричал он на дружинников и холопов. – Тащите его в подземелье, закройте покрепче! И если завтра он на коленях не попросит прощения у меня и боярина – пусть заживо сгниет в тюрьме, поганец!

Пока воины и холопы, навалившись все разом, волокли Дмитрия в темницу, он успел прокричать так громко, чтобы услышали люди на улице:

– Эй, друзья! Награды мне не вручили, зато отправляют в темницу! Меня, свободного человека! Лишь потому, что отказался породниться с боярином и ползать перед князем!

Дальше уже ему не дали вымолвить ни слова, зажали рот и подтащили к тяжелой кованой двери, ведущей в подвал.

На улице поднялся шум. Люди бурно возмущались, требовали свободы и заслуженной награды для победителя. Некоторые уже начали было взбираться на забор, чтобы, оказавшись во дворе, помочь купцу своими руками. Но княжих отроков на улице оказалось много, и все они были вооружены, а потому недовольных быстро постаскивали с забора и поразгоняли. Самые смелые из горожан пытались сопротивляться, но, получив раны и увечья, вынуждены были отступить. Разъяренный Шумило, позабыв о своих ранах, кинулся в драку, и Никифору стоило огромных усилий увести новгородца, объясняя ему, что, оставшись живым и свободным, он скорее сможет помочь плененному другу.

Глава шестая. Побег из темницы

Боярышня Анна отвернулась от окна и, схватившись за голову, убежала в свою комнату. Ее потрясло все происшедшее на боярском дворе. Она долго размышляла и терзалась сомнениями, не зная, как поступить.

Через какое-то время шум во дворе и на улице поутих. Великий князь со свитой покинул боярский двор. Толпу любопытных и недовольных княжие отроки поразгоняли. Скрылись где-то в глубине дома или сада Завида, Берислава и двое-трое самых преданных им холопов. Куда-то ушел и боярин.

Когда было уже далеко за полдень, Анна решилась наконец выйти из своей комнаты. Отдаленные звуки гуслей привлекли ее внимание. Посмотрев из окон верхнего этажа на улицу, она поняла, откуда доносится музыка. Через дорогу от боярского дома, за соседним двором, росло толстое высокое дерево. На его ветках разместились несколько молодых парней, одетых по-скоморошьи. А на первом от ствола разветвлении сидел, словно на коне, здоровенный белокурый детина с гуслями в руках и, перебирая струны, пел:

За геройство свое в подземелье томлюсь

Я, купец-молодец неугодливый.

Не грозите вы мне, все равно не женюсь

На боярышне вашей уродливой.

Анна закрыла уши и замотала головой, чтобы не слышать дальнейших слов, и все же разобрала, что в насмешливой песенке ее обзывают так же злобной дурой, а боярина Тимофея – неблагодарным ослом. Потом были еще какие-то шутки насчет княжеской и боярской постели, но этого Анна и вовсе не поняла. Смех и улюлюканье сопровождали пение гусяра. Но вот раздался громкий свист – видимо, сигнал тревоги – и шутники, попрыгав с дерева, тут же исчезли из виду.

Эта скоморошья выходка окончательно утвердила Анну в ее решении. Она пошла искать отца и нашла его в маленькой комнатке, где он сидел у окна и читал псалтирь. Оглянувшись на дочь, недовольно сказал:

– Опять ты лицо закрываешь, будто сарацинка какая-нибудь. Правду Завида говорит: плохо тебя мать Евдокия воспитала, сделала дикаркой.

– Неправда, тетушка была святая женщина и плохому меня не учила, – возразила Анна. – А лицо я закрываю потому, что мне стыдно людям в глаза смотреть. Тебе тоже должно быть стыдно. Вы с князем плохое дело сделали, и теперь люди будут судить вас на каждом углу. А меня станут высмеивать так, что и жизнь мне покажется не мила.

– Откуда у тебя такие мысли? – Тимофей удивленно воззрился на дочь. – Кто тебя научил осуждать князя и родного отца?

– Никто меня не учил, сама до этого дошла. Я ведь видела и слышала все, что происходило на нашем дворе. У окна стояла, наблюдала. И еще знаю, что уже сейчас люди начали сочинять про нас всякие насмешливые песенки и прибаутки. А что дальше будет? Возненавидит нас весь честной народ. Только холопы да всякие прихвостни останутся на нашей стороне.

– А это уж не твоя забота. С насмешниками и наглецами я как-нибудь сам разберусь. Да и князь не позволит...

– Пойми же меня, батюшка!.. – перебила его Анна. – Пойми, не хочу я, чтобы честные люди меня проклинали! Они же не знают, что моей вины тут нет.

– Так, по-твоему, мы с князем неправильно сделали, что этого дерзкого купчишку посадили в подземелье?

– Да разве ты сам не понимаешь? Этот купец... Дмитрий-Ратибор... Ведь он герой, он людей от душегуба избавил. Вы награду за разбойника обещали, а вместо этого...

– Мне тоже неловко, – вздохнул боярин, пряча глаза от вопрошающего взгляда Анны. – Но только Дмитрий сам все испортил. Как он посмел тебя оскорбить? Где

это видано – какой-то мужик отказался от дочери боярина.

– Отец, да нельзя же людей соединять насильно. Господь не велит. Я и сама не хочу выходить замуж – ни за этого купца, ни за кого-либо другого.

– Но ведь ты же согласилась...

– Только потому, что вы с матушкой Гликерией меня вынудили! Но Божьего благословения на этот брак я не чувствовала. Послушай меня, отец, сделай милость. Отпусти купца, дай ему обещанные гривны. Тогда и Бога не прогневишь, и людей против себя не настроишь.

– Нет, дочка, не могу я этого сделать. Он не только нас с тобой, он и великого князя оскорбил. И теперь не в моей власти его освободить.

Тимофей встал и отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Но Анна не отставала:

– Не могу я смириться с тем, что безвинный человек будет заживо гнить в подземелье. Бог накажет и меня, и тебя, и князя. Скажи мне, батюшка, неужели нет какого-нибудь способа помочь купцу?

– Только один способ и есть. – Тимофей повернулся к дочери, но посмотрел не на нее, а куда-то в сторону. – Князь тогда его помилует, когда этот гордец на коленях попросит у него прощения за свою дерзость, а у меня – твоей руки.

– Понятно... Нелегко будет уговорить купца на такое унижение.

– Да и кто возьмется уговаривать?

– Я и возьмусь. И с Божьей помощью найду такие слова, которые смогут его убедить.

– Ты, дочка?... – Тимофей удивленно поднял брови. – Ты станешь уговаривать его жениться? Но ведь...

– Да, отец. Я не хочу выходить замуж. Но если это надо будет сделать, чтобы спасти человека, я согласна.

– Добрая у тебя душа, как у твоей покойной матери... – Тимофей посмотрел на дочь долгим грустным взглядом. – Не понимаю, за что эти глупые людишки обзывают тебя злобной дурой. Видно, у них самих мозги набекрень...

– Бог рассудит, на чьей стороне правда... Так ты разрешишь мне пойти поговорить с купцом?

– Прямо сейчас?

– А когда же? Ведь завтра князь будет устраивать ему судилище. И, скорее всего, из нашего подземелья купца переведут в княжескую тюрьму. А оттуда он может и по гроб жизни не выбраться.

– Да, ты права. Ну, пойдём. Как раз сейчас удобный момент. Завида с Бериславой нам не помешают, они ушли выбирать наряды и украшения для свадьбы.

– Для какой свадьбы?

– Берислава обручилась с Глебом, – вздохнул боярин. – Когда он приедет из Теревовля, они поженятся. Эх, не думал я, что племянник моего друга...

– Да не горюй из-за безделицы, батюшка. Я ведь сказала, что замуж ни за кого не хочу. А за этого княжича тем более. Наверное, он такой же, как Берислава, если влюбился в нее.

– Ладно, что об этом толковать... Теперь князь Глеб – отрезанный ломоть, он уже с Бериславой связан, и она его не отпустит. Пойдем, я проведу тебя к узнику.

– Подожди, отец. Я сейчас, только сбегаю в свою комнату.

Анна отлучилась на несколько минут и вернулась еще более закутанная, чем прежде: поверх платья она накинула длинное темное покрывало, делавшее фигуру совершенно бесформенной. Отец отнес это на счет ее излишней скромности. Ему и в голову не пришло, что покрывало понадобилось дочери,

чтобы спрятать предметы, заранее приготовленные ею для узника.

Дмитрий Клинец сидел на охапке соломы, привалившись плечом к стене. Его руки и ноги были крепко связаны толстыми веревками. В подземелье проникал тусклый свет из маленького окошечка наверху. Когда глаза Дмитрия привыкли к плохому освещению, он стал выискивать вокруг какой-нибудь острый предмет, чтобы незаметно перетереть свои путы. Но, увы, кроме соломы и глиняной миски в углу здесь ничего не было.

Купец хорошо знал жизнь и не рассчитывал на великодушие власть имущих, но надеялся на помощь своих друзей и наиболее смелых киевских граждан. Быть может, кто-то из них отважится собрать вече и выступить в защиту несправедливо обвиненного. Хорошо бы еще, чтобы догадались отправить вестников в Переяславль, к князю Мономаху, известному своей справедливостью.

Размышляя об этом, Дмитрий вдруг услышал шаги наверху. Кто-то спускался по лестнице. Наверное, стражник несет еду. Пора бы уже, узник начинал чувствовать голод.

Загремели ключи, дверь отворилась. Стражник пропустил вперед себя боярина Тимофея и, поклонившись, вышел.

– А, это ты, боярин! – Дмитрий, оглянувшись на вошедшего, насмешливо сверкнул глазами. – Зачем пожаловал? Уговаривать меня будешь или пытаться? А может, новую награду для меня придумал?

– Не имею желаний объясняться с тобой, – сурово ответил Тимофей. – Гордыня тебя обуяла, а это большой грех, и ты за него поплатишься. Но я привел свою дочь. Это она хочет с тобой побеседовать.

– Что, будет меня уговаривать на ней жениться? – рассмеялся Дмитрий. – Пусть не старается понапрасну. К тому же, боярин, не в обиду тебе будет сказано, но смотреть на твою дочь – удовольствие не из приятных.

– Дерзкий ты дурак! – воскликнул Тимофей, но тут из-за его спины вышла боярышня и, жестом остановив отца, сказала:

– Не надо браниться, батюшка. Оставь меня с этим человеком, я найду, что ему сказать.

Дмитрий удивленно вскинул голову, услышав такие слова, и внимательно посмотрел на фигуру, с головы до ног закутанную в черное покрывало.

– Как же тебя оставить с этим охальником? – спросил боярин. – Ведь он обидит, обругает.

– Не забывай, отец, что он крепко связан и ничего плохого сделать мне не сможет. А насмешливых слов я не боюсь, наслышалась их за последние дни предостаточно.

– Ну, хорошо, Аннушка, будь по-твоему. А ты, наглец, посмей только оскорбить мою дочь!

Боярин, бросив угрожающий взгляд на узника, повернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Оставшись наедине с купцом, боярышня тихо сказала:

– Не бойся, сударь, я не стану докучать уговорами. И лицо свое не открою, коль оно тебе так противно.

«Как ни странно, но голос у нее приятный и речь разумная», – невольно отметил про себя Дмитрий, а вслух сказал:

– Видно, ты не так глупа, как о тебе говорят. Значит, должна понимать, что такого человека, как я, ни к чему насильно нельзя принудить.

– Я и не собираюсь принуждать. – Анна подошла к нему поближе и стала так, чтобы тусклый лучик света не падал на нее. – Я не затем сюда явилась, чтобы уговаривать тебя жениться. Хотя отец думает, что это так. Я не сказала ему правды, чтобы он не помешал. На самом же деле хочу тебе помочь выбраться отсюда. Если не сделать этого сегодня – завтра будет поздно.

– Ты ли это говоришь, боярышня? – спросил он изумленно. – Неужели вправду надумала помочь мне бежать? Или это очередная ваша хитрость боярская? Хотите заманить меня в ловушку?

Ни слова не говоря, Анна выпростала спрятанные под покрывалом руки, и Дмитрий увидел, как блеснуло в слабом свете лезвие ножа. Наклонившись, боярышня разрежала путы на руках и ногах узника, потом положила нож под солому.

– Убедился теперь, что я не лукавлю? Вот еще кое-что для побега. – Анна вытащила из-под покрывала увесистый кошель и спрятала его рядом с ножом. – Здесь двадцать гривен серебром. Это, конечно, намного меньше, чем обещанная тебе награда. Но у меня в отцовском доме больше ничего нет. Наследство, которое оставила матушка, спрятано в Билгороде, и мне сейчас до него не добраться.

– Не могу поверить... – пробормотал купец. – Зачем ты мне помогаешь? Ты же вроде должна меня ненавидеть...

– Почему?

– Любая девица возненавидит мужчину, который ею пренебрег.

– Бог учит платить добром даже за зло. А ты, купец, тем более никакого зла мне не причинил. Наоборот, избавил и меня, и других людей от разбойника-душегуба. За это тебя народ прославляет, а ведь сказано, что глас народа – глас Божий. Вот и я хочу поступить так, как мне Бог подсказывает.

– Прости меня, боярышня, за мои насмешки. – Дмитрий встал во весь рост, разминая затекшие руки и ноги. – Видно, правду говорил Никифор: суди человека не по наружности, а по душе его...

Он подошел к девушке вплотную, пытаясь заглянуть в глаза под покрывалом, но она резко отвернулась от него.

– Не проси прощения, купец. Каждый вправе смеяться над тем, что смешно.

– А все-таки ты на меня обижаешься, – вздохнул Дмитрий. – Но поверь, боярышня: тут дело не в тебе. Я отказался бы от любой невесты, будь она первая богачка и красавица. Не создан я для семейной жизни – вечный странник, искатель приключений, которому на месте не сидится. Ты, живя в монастыре, просто не встречала таких людей, как я.

– Отчего же? Когда-то к нам в монастырь приезжал игумен Даниил, который знаменит своим путешествием к святым местам.

– Игумен Даниил? Я его знаю. Да, иные монахи совершают хождение в Иерусалим, а потом возвращаются в свои обители. Но я не монах и никогда им не буду. Я купец, воин, мореход, люблю мирскую жизнь. Меня ни в монастыре не запрешь, ни в хижине, ни в богатых хоробах. Обязательно сбегу. А не удастся – так загину без вольной жизни. Уж таков я. Наверное, половецкая кровь сказывается.

– Половецкая?... – в голосе боярышни послышалось неприкрытое удивление. – Разве ты половчанин?

– Не похож? Видишь, какой я черный.

– Я думала, ты грек. Ты вроде человек образованный, да и веры христианской. Или не так?

Дмитрию показалось забавным, что отвергнутая им боярышня столь явно разочарована его происхождением, и он ответил почти весело:

– Половчанин я только по матери, но она была христианкой. А что до образованности – так это от самого человека зависит, да еще от судьбы. Я ведь купец, в разных странах бывал, много чего повидал, разные языки научился понимать. Но ты, как видно, всех половцев презираешь? Жених-грек тебе бы больше подошел, правда? Да, мы с тобой не пара.

– Будь спокоен, купец: я тоже не создана для семейной жизни. Меня с детства готовили к служению Богу. И я чувствую в себе это призвание. Раньше я еще немного колебалась. Но, столкнувшись с мирской жизнью, окончательно поняла, что тетушка была права, когда советовала не уходить из монастыря. И я вернусь туда по доброй воле. Уже никто и никогда не заставит меня выйти замуж. Ты

сделал доброе дело, что отказался от такой невесты, как я. Твой честный поступок избавил нас обоих от тягостных цепей. Ну, ладно, хватит об этом толковать, пора действовать.

Боярышня подошла к двери, выглянула и, убедившись, что стражник стоит на почтительном расстоянии, вернулась на прежнее место и изложила свой план побега:

– Сделаем так. Я скажу стражнику, чтобы принес тебе еды и питья. Ты же будешь сидеть на соломе и делать вид, что руки и ноги у тебя по-прежнему связаны. Когда стражник к тебе приблизится, схватишь его, чтоб не кричал... ну, не знаю, как у вас, мужчин, это делается в драках...

– Хорошо, я тебя понял, – улыбнулся Дмитрий. – Стражника я свяжу, заткну ему рот, а сам переоденусь в его одежду. Дальше что?

– Дальше мы с тобой выберемся из подземелья во двор. По пути нам могут встретиться еще двое стражников, но я отвлеку их внимание, а ты старайся быть в тени и прятать голову.

– А как же во дворе? При ярком свете меня каждый узнает.

– Об этом и я догадалась, потому и накинула на себя второе покрывало. Перед тем как выйти во двор, закутаешься в него до самых бровей. Пусть думают, что со мной идет одна из сестер-монахинь. За ворота мы с тобой тоже выйдем вместе, и до церкви я тебя доведу. А дальше сам пойдешь. Но мой тебе совет – не задерживайся в Киеве. Отыщи друзей и беги с ними куда-нибудь подальше, пока стражники тебя не хватились и не донесли о побеге. Не знаю, правда, хватит ли тебе этих гривен на далекое путешествие, ведь я в миру не жила и в денежных ценах ничего не смыслю. Но могу еще дать тебе это кольцо – оно из чистого золота.

Анна уже хотела снять с пальца свою фамильную драгоценность, но Дмитрий удержал ее руку со словами:

– Не надо, боярышня, этих денег вполне достаточно, чтобы добраться до Корсуни и до Константинополя.

Ладонью он внезапно почувствовал нежность тонких пальцев девушки, но она тут же отдернула руку.

На мгновение их взгляды встретились, а дальше Анна снова отступила в тень, поправляя платок. Но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы слабый лучик света, упав сверху, отразился ясным бирюзовым огнем в больших глазах, обрамленных темными густыми ресницами.

Дмитрию вдруг показалось, что он видит сон, и купец незаметно ущипнул себя за руку. Как растерянный мальчишка, он смотрел прямо перед собой, не в силах ни вымолвить слова, ни пошевелиться. Постепенно до его сознания доходило, что он оказался во власти обмана. Ангельский голос и разумная речь боярышни – это было еще хоть как-то объяснимо. Но столь прекрасные глаза не могли принадлежать тому противному существу, которое несколько дней назад восседало на боярской повозке. Нет, у той богато разряженной боярышни глазки были маленькими и тусклыми. Впрочем, они были почти закрыты. Она словно бы спала.

Дмитрию вдруг вспомнились сказки о прекрасных царевнах и царевичах, которых злые ведьмы усыпляли и превращали в отвратительных чудовищ. Кажется, в доме боярина Тимофея живет подобная ведьма, и даже не одна.

Анна, удивленная долгим молчанием Дмитрия, спросила неуверенным голосом:

– Так что же, купец? Ответь мне, как человек опытный: правильная ли у меня задумка?

– Правильная, – с трудом выдавил Дмитрий, снова пытаюсь заглянуть ей в глаза.

Девушка хотела отойти в сторону, но он схватил ее за рукав; дернувшись, она блеснула на него мгновенным сердитым взглядом. И тут догадка – внезапная, словно молния, – его осенила. Он отчетливо вспомнил, что совсем недавно видел такие же глаза – зеленовато-голубые и чистые, как морская лазурь. Он почувствовал внутреннюю дрожь от нетерпеливого желания проникнуть в эту тайну. С трудом сдерживая себя, Клинец как можно спокойнее и ласковее сказал:

– Добрая госпожа, ты все правильно задумала. Сейчас я сяду в угол на солому, а ты позовешь стражника. Но прежде дай мне свое покрывало, я сверну его и буду нести в руках, чтобы потом быстро на себя накинуть.

Удивленная столь мягким, бархатным звучанием низкого мужского голоса, девушка невольно повиновалась его просьбе. Она стала снимать покрывало медленно и осторожно, стараясь не затронуть платок на голове. Тогда купец со словами «Я помогу тебе!» резко дернул тяжелую ткань, срывая вместе с плащом и платок, которым боярышня была закутана до самых глаз.

Девушка ахнула, но было уже поздно: ее лицо полностью открылось, золотистые волосы рассыпались по плечам, переливаясь в скупом луче света. Перед изумленным Дмитрием стояла та самая фея, сказочное видение, поразившее его на реке у билгородского монастыря. Это была именно она – ибо разве мог он представить еще у кого-то золото этих волос, чистую лазурь огромных глаз, нежный профиль, гордый разлет темных бровей? И она сейчас стояла перед ним, смущенно кутаясь до самого подбородка в бесформенную черную одежду. А он смотрел на нее и угадывал под монашеским покрывалом все изгибы, все стройные линии и соблазнительные округлости девичьей фигуры, которую видел однажды почти обнаженной.

– Ничего не понимаю!.. – воскликнул Дмитрий, не в силах оторвать взгляд от внезапно открывшейся красоты. – Здесь какое-то колдовство... Скажи мне, кто ты? – Он схватил девушку за плечи и слегка встряхнул. – Как ты здесь очутилась? Ведь ты не боярышня Раменская!

– Что с тобой, купец? – испуганно, но вместе с тем строго спросила Анна и оттолкнула его руки от своих плеч. – Ты сейчас смотришь и говоришь, как помешанный. Неужели мое лицо так тебя испугало? Тогда я снова закрою...

– Нет! – воскликнул Дмитрий, выхватив у нее платок. – Не закрывайся, я хочу смотреть тебе в глаза. Отвечай мне прямо: ты боярышня Анна Раменская?

– Кто же еще? Клянусь Богом, я не самозванка. И мой отец это может подтвердить.

– Тогда почему весь Киев смеется над твоим уродством и безумием, если на самом деле ты красива, умна... и добра к тому же.

Глаза Дмитрия пристально и с невольным восхищением смотрели на нее из полумрака. Боярышня смутилась под незнакомым ей доселе откровенно мужским взглядом и, желая скрыть свою растерянность, ответила довольно резко:

- Ты первый надо мной сегодня посмеялся! И не старайся теперь из благодарности наговорить мне разных похвал, все равно не поверю.

- Здесь какая-то ошибка. Я смеялся не над тобой, а над той злобной уродиной, которую видел в боярской повозке дней десять назад. Ведь это не ты ехала тогда из Билгорода в Киев?

- Нет, почему же? Как раз тогда я и ехала.

- И ты помнишь толпу, которая на тебя глазела и улюлюкала?

- Признаться, я почти ничего не помню. Меня почему-то сморил сон, и вся дорога прошла передо мной как в тумане. Только приехав в монастырь, я проснулась. Но потом холопка рассказала мне, что какие-то охальники надо мной смеялись, а я рассердилась и бросила в них камень. Было такое?

- Да, все так и было, - подтвердил купец, продолжая смущать девушку своим пристальным, обжигающим взглядом. - Боярышня выглядела сонной, точно околдованной. И камень она бросила в шутников, почти не открывая глаз. Все верно. Но только та боярышня была не ты.

- Да нет же, именно я!

- Ну, значит, случилось как в сказке про царевну, которую на время превратили в лягушку. Кто же злая колдунья, сделавшая это? Говорят, Завида и Берислава ведают в колдовстве. Не они ли так постарались, чтобы отвратить от тебя киевских женихов, а пуще всех - красавчика Глеба?

- Колдовство?... - Анна вздрогнула и перекрестилась. - Нет, Господь защитит меня от сатанинских чар. Не верю я, что могла в кого-то превращаться.

– Ну, тогда выходит, злые чары подействовали на глаза всем, кто тебя видел. Иначе как могло белое показаться черным, а красота – уродством?

– Довольно, купец. Ты думаешь, если я прожила всю жизнь в монастыре, то поверю любой детской сказке о ведьмах и заколдованных царевнах? Нет, сударь, в утешениях твоих не нуждаюсь. И если я некрасива и никому не мила – значит, это испытание, посланное мне Богом. А Господь испытывает тех, кого любит. Ведь сказано же: «Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь. Блаженны вы, когда возненавидят вас люди... и будут поносить»...

– погоди, боярышня. Я не так силен в Священном Писании, как ты, но все же хочу тебя поправить. Может, Господь и послал тебе много испытаний... так же, как и мне... но уродством он тебя не наказал, это уж точно. Наоборот, он дал тебе редкую красоту. Да разве ты сама не знаешь, что красива?

Он хотел взять ее за руку, но Анна резко дернулась назад и, топнув ногой от досады, воскликнула:

– Ты лжешь, купец! Как я могу быть красива, если все вокруг твердят о моем уродстве? Я не знаю, что такое красота, меня не учили ее понимать. Да и как можно оценить самое себя? Свое отражение я видела только в реке, тетушка запрещала пользоваться зеркалом. Там, в монастыре, не принято было говорить о телесной красоте. Я училась понимать красоту Божьего слова, святых икон, церковного пения. А о себе я ничего не знала. Но здесь, в миру, меня называли уродливой и безумной. Видно, так оно и есть.

Дмитрий вдруг ясно понял все причины, все скрытые истоки чудовищного недоразумения, которое отравило Анне ее первое знакомство с миром. В один миг он представил себе всю ее простую, короткую жизнь под надзором фанатично набожной тетушки, в окружении монахинь и послушниц, вечно занятых трудами и молитвами. А вне защитных стен монастыря – мачеха и сводная сестра, не желающие видеть Анну счастливой, богатой, красивой, способной их затмить. С одной стороны – благие намерения, которыми порой выслана дорога в ад; с другой – зависть и злоба тех, кто во сто крат опытней и хитрей.

– Бедное дитя!.. – сказал он, вздыхая и с невольным сочувствием заглядывая ей в глаза. – Тебя совсем заморочили этим монастырским воспитанием. Наверное,

если орла с рождения держать в клетке и кормить, он так никогда и не узнает, что силен и сам умеет добывать себе пищу. А все наша истовость славянская!.. Если уж приняли греческую веру – так доведем ее до крайности, до аскетизма... Византийские учителя не так ревностны, как их ученики-русичи.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь...

– О том, что из-за твоего слишком строгого воспитания стал возможен этот обман. Поверь, если б я знал раньше, как ты красива телом и душой, я бы от тебя не отказался. Но еще не поздно все исправить.

– Нет-нет! – поспешно возразила Анна, отступив на шаг в сторону. – Не надо из благодарности жертвовать своей свободой. Ты давеча сам говорил, что не связал бы себя узами даже с красавицей. И я не хочу быть чьей-то женой.

– Но раньше-то ты соглашалась на брак?

– Да, потому что отец и игуменья Гликерия уверяли, что победитель этого хочет, словно видит во мне награду. А я считала, что мой долг – вознаградить героя. Теперь же я убедилась, что герою такая награда совсем ни к чему, и меня это очень радует. Словно камень с души свалился. Ведь я не хочу окунаться в мирскую жизнь. Меня пугают обязанности жены.

– А что ты знаешь об этих обязанностях? – улыбнулся купец.

– Тетушка говорила мне о плотском грехе. Да, я понимаю, что после венчания это не считается грехом, но все равно... это страшно. В Билгороде жила монахиня сестра Ирина, которая столько мучений натерпелась в замужестве, что возненавидела всех мужчин. А другая монахиня, сестра Феоктиста, помутилась рассудком после того, как однажды попала в руки к половцам. Эти дикари напали на их селение и надругались над девушками и женщинами...

– Так вот что тебя пугает! – воскликнул Клинец. – Ты боишься оказаться в грязных лапах дикаря! Конечно, ведь все половцы для тебя – грубые скоты, буняки шелудивые[25 - Буняка Шелудивый – прозвище хана Боняка, заклятого врага русичей. В народных сказаниях его отрубленная голова катается по земле и уничтожает все живое на своем пути.] со страшной головой. Недаром ты так разочаровалась, когда узнала, что я не грек.

Сейчас Дмитрия бесило то, что несколько минут назад, когда боярышня еще не открыла лица, казалось даже забавным. Тогда быть отвергнутым ею являлось для него облегчением, теперь же – горькой обидой.

Анна смотрела на купца растерянным взглядом, постепенно начиная понимать, что своими словами невольно задела его гордость.

А он продолжал в том же духе:

– Будь я греком, как мой друг Никифор, ты бы, наверное, согласилась... из уважения к просвещенному народу, да? Но только вот что я тебе скажу, боярышня: не суди человека ни по его племени, ни по знатности рода, потому что этого никто себе не выбирает, а значит, ни вины, ни заслуги в том нет. Да, я полукровка и происхождения невысокого, но мои родители были честными людьми. А сам я и по вере, и по воспитанию – русич, а вовсе не дикий кочевник. Половцы тоже ведь разными бывают, как, впрочем, и русичи. Мой отец погиб под Зарубом, когда на город напало войско Боняка. И знаешь, от чего он погиб? От стрелы предателя- русича, который перешел на службу к половцам. А чем лучше поганых дикарей такие князья, как Олег Тмутараканский[26 - Олег Святославич/Гориславич/, князь Тмутараканский, разжигал междоусобную борьбу за власть и неоднократно наводил половцев на Русь.], который не раз их наводил на Русь?

При имени Олега Святославича глаза Анны потемнели от гнева, и, топнув ногой, она воскликнула:

– Не вспоминай об этом предателе безбожном! И Олег Гориславич, и его брат Роман Красный – великие грешники, и гореть им в аду до Страшного суда!

В голосе, во взгляде Анны было столько неприкрытой ненависти, что Дмитрий даже замолчал от удивления, пытаясь понять, какие личные мотивы могли заставить далекую от мирской жизни девушку так ополчиться на Тмутараканских князей.

– Ты разве знала Олега и Романа? – спросил он озадаченно.

– Нет, я их не знала, но мне тетушка говорила, что это самые безбожные негодяи.

– Вот как?... – растерялся Дмитрий. – Твоя тетушка, наверное, имела причину так думать... Ну что ж, значит, ты понимаешь, что принадлежать к хорошему роду-племени – не самое главное? Судить людей надо по их делам.

– Это я понимаю. Почему ты решил, что я ненавижу всех половцев? – Анна пожала плечами и отвела глаза в сторону. – Нет, только тех, которые не приняли истинную веру и живут грабежами, набегами. А тебя, купец, я вовсе не считаю диким кочевником. Наоборот, ты человек просвещенный... и я была бы слепой дурой, если бы тебя презирала.

– Не презираешь... и все же считаешь, что я тебе не пара? – Дмитрий настойчиво пытался поймать ее взгляд. – А ведь я бы мог быть твоей опорой в этом мире, который так тебя пугает.

– Пойми же, купец: дело не в том, грек ты или половчанин, князь или простой крестьянин. Я уже сказала: ни за кого не пойду замуж. Не надо из благодарности предлагать мне свою руку, она мне вовсе не нужна. Лучше поскорее уезжай.

Услышав такие слова, Дмитрий с трудом подавил в себе невольную обиду и после короткого молчания спросил:

– А если я уеду, как ты защитишься от козней мачехи, сводной сестры и их холопов? Твой отец – слабый человек, Завида его околдовала. Есть ли у тебя хоть один друг в этом доме?

– Да, конюх Никита. Он служил еще моему покойному деду – отцу матушки и тети. Но ты за меня не волнуйся, я в этом доме долго не пробуду.

– Вернешься в монастырь, чтобы принять постриг? – спросил Дмитрий и сам удивился, сколько тоски вдруг прозвучало в его голосе.

Мысленным взором он увидел торжественный обряд посвящения в монахи, который однажды ему довелось наблюдать. После этого обряда все будет

кончено, и никогда уже эта удивительная красавица не сможет принять и подарить любовь, для которой, казалось, она была рождена на свет.

– Подумай еще раз! – воскликнул Дмитрий, схватив боярышню за руки. – Не спеши становиться монахиней! Поживи в монастыре, но куда не отрекайся от мирской жизни. Пойми и узнай самое себя. А если монашество – совсем не твой удел?

Со сладостным замиранием сердца он почувствовал, как в его руках трепещут и сопротивляются нежные пальцы девушки.

А она испуганно смотрела в сверкающие глаза Дмитрия и не могла понять, почему его пристальный взгляд и горячие сильные руки вызывают в ней такое неизъяснимое волнение, от которого по телу пробегает дрожь, а голова начинает странно кружиться.

– Я подумаю, купец, – сказала она, запинаясь. – Может, Господь еще даст мне какой-нибудь знак... хотя для себя я уже все решила. Ну, хватит об этом. У нас мало времени, мы и так слишком долго проговорили. Надо спешить. Если Завида с Бериславой вернутся, то будет поздно. Садись, притворяйся связанным.

С некоторым усилием она все же освободила свои руки и указала купцу на солому в углу, а сама направилась к двери.

– Постой, госпожа моя! – воскликнул Дмитрий, удерживая Анну еще раз. – Пока мы не расстались окончательно, хочу, чтобы ты знала: я твой вечный должник. Одному Богу ведомо, как сложатся наши судьбы. Но если когда-нибудь чем-то смогу тебе помочь, ты только дай мне знать. Я все для тебя сделаю.

– Не надо, – Анна остановила его порыв строгим жестом и горделивым поворотом головы. – Запомни, купец: ты мне ничего не должен. Я выручаю тебя не ради твоей благодарности, а ради спасения своей души. И еще потому, что не хочу быть проклинаемой простыми людьми.

– Ты даже благодарности моей не принимаешь, – вздохнул Дмитрий. – Что ж, я сам виноват, хотя и поневоле... И все-таки не могу уйти просто так. Возьми вот эту вещицу, она будет охранять тебя от беды и от коварной злобы.

Клинец снял со своей шеи и почти насильно вложил в руку Анне маленький деревянный предмет на шнурке. Девушка раскрыла ладонь и внимательно посмотрела на тонко вырезанную фигурку, изображавшую конька с солнечными знаками на туловище.

– Какой красивый оберег, – сказала она, слегка улыбнувшись. – Откуда он у тебя?

– Моя мать, царство ей небесное, умела делать красивые игрушки из дерева. Она, как осиротела, воспитывалась в семье ковшечника[27 - Ковшечник – резчик дерева.] Семена Витичанина – набожного человека и потомственного мастера. Его предки когда-то еще у волхвов научились вырезать искусные обереги. А моя матушка верила, что эти обереги обладают магической силой. Двух солнечных коньков она изготовила для меня и Федора, моего брата-погодка.

– У тебя есть брат?

– Да, но я давно его не видел и даже не знаю, где он сейчас. Так сложилась судьба...

– Зачем же ты отдаешь мне свой амулет? Ведь он тебе самому нужен.

– Матушка мне говорила: если отдашь амулет другу или побратиму, то ты его не потеряешь, он по-прежнему будет тебя охранять, но и друга твоего тоже.

– Значит, мы с тобой теперь считаемся друзьями? Или названными братом и сестрой?

– Ну уж нет, братом и сестрой мы не будем никогда, – заявил Дмитрий, невесело усмехнувшись и покачав головой. – Но я хочу, чтобы ты хоть изредка, взглянув на этот оберег, вспоминала меня. А я вспомню тебя всякий раз, как возьму в руки твой кинжал... или покрывало.

Анна, стараясь не встречаться глазами с Дмитрием, быстро повесила на шею его подарок. Маленькая деревянная фигурка скользнула вниз и скрылась под монашеским платьем. У купца сладко защемило сердце, когда он представил, в каком месте оказался сейчас оберег, еще согретый теплом его собственного тела.

– Ну все, медлить нельзя, – решительно сказала девушка и направилась к выходу.

Прежде чем открыть дверь, она оглянулась на Дмитрия и, убедившись, что он принял положение связанного узника, вышла и позвала того из стражей, что был повыше ростом. По ее указанию он принес кувшин с водой и краюху хлеба. Анна, чтобы скрыть свой сговор с узником, покинула подземелье, оставив Дмитрия и стражника наедине.

Через несколько минут дверь подвальной темницы открылась и оттуда вышел уже переодетый купец. Пока он, гремя ключами, затворял дверь, Анна прошла по коридору вперед и приказала второму тюремщику:

– Ступай к моему батюшке-боярину и доложи, что узник от наших предложений отказался. А еще передай, что я сейчас иду в церковь помолиться за спасение души грешника.

Стражник, слегка поклонившись, отправился выполнять поручение боярышни. Когда он скрылся, Анна, повернувшись к Дмитрию, прошептала:

– Теперь скорее во двор! Закутайся хорошенько! Помни, если тебя заметят – плохо будет не только тебе, но и мне. Князь не простит такого своевольтва.

Прежде чем выйти из подклети наверх, Анна решила удостовериться, что за дверью никого нет, и, оставив Дмитрия стоять у стены, выглянула наружу. Увы, неподалеку от выхода стоял третий стражник и беседовал не с кем-нибудь, а с преданным холопом Завиды Олбырем. Вздрогнув, Анна тут же отпрянула назад и, приложив палец к губам, оглянулась на Дмитрия. Он понял, что ход перекрыт. Несколько мгновений подумав, Анна вспомнила, что из подклети можно выбраться во двор еще через другую дверь, и, схватив купца за руку, повлекла его к той двери. У Дмитрия вдруг мелькнула мысль, что было бы интересно, если бы кто-нибудь увидел, как он выбирается из подвала вдвоем с боярышней. В глубине души ему даже захотелось, чтоб именно это и произошло.

Но возле другой двери никого не было, и Анна, перекрестившись, вышла во двор, жестом приглашая Дмитрия следовать за ней. Руки их разъединились, и купец с трудом подавил вздох разочарования.

Через двор они быстро проследовали к воротам. Дмитрий шел, не оглядываясь по сторонам, спрятав лицо под покрывалом. Анна же, напротив, смотрела вокруг очень внимательно, дабы убедиться, что их никто не видит. Но у самых ворот откуда-то сверху вдруг послышалось насмешливое улюлюканье младшего брата:

– Эй, сударыня-сестрица, не удастся пожениться! А что это за монахиня с тобой такая высоченная? Она, наверное, из поляниц?[28 - Поляница – богатырша, воительница (старослав.).]

Анна подняла голову и увидела, что Иванко сидит на дереве и размахивает самодельным копьём. Она с невольным испугом оглянулась на Дмитрия: а вдруг и он посмотрит наверх, тем самым разоблачив себя перед вздорным мальчишкой. Но купец догадался пройти мимо, не поднимая лица.

Анна обратилась к холопу, дежурившему у ворот:

– Открывай, мы с сестрой Ефросиньей идем в церковь к вечерней молитве.

Холоп молча повиновался, и через минуту Анна и Дмитрий уже были за пределами боярского двора.

Глава седьмая. Покрывало сорвано

Некоторое время они шли молча, опустив глаза. Потом вдруг, повинувшись внезапному порыву, одновременно приостановились и взглянули друг на друга. Анна, чтобы скрыть свое смущение, торопливо заговорила:

– Сейчас повернем направо, и я пойду в церковь, а ты иди по узкой дороге мимо ограды. Там прохожих мало, а возле церкви тебя могут заметить.

Дмитрию хотелось что-нибудь сказать, как-то оттянуть миг расставания, – но он не находил слов. Необъяснимо-тоскливое чувство подсказывало ему, что именно в эту минуту рвется нить судьбы, – а он еще не знает, как удержать ее в руках. Перед поворотом к церкви боярышня еще раз подняла на него глаза и тихо проговорила:

– Прощай, сударь. Храни тебя Бог.

– Прощай, госпожа моя, – отвечал купец и вдруг, в отчаянной попытке задержать ее, неожиданно спросил: – Скажи, ты купалась с подружками на речке возле Билгорода за день до приезда в Киев?

Лицо Анны покрылось румянцем, и, глядя на Дмитрия смятенными глазами, она ответила вопросом на вопрос:

– Откуда ты знаешь? Ты был там? Подсматривал за нами?

– Прости, все вышло случайно.

– Так это был ты... Да, Федосья правильно тебя обрисовала...

– Разве я думал тогда, что та золотоволосая красавица и есть боярышня Анна? – сказал Дмитрий, не сводя с нее пристального взгляда, будто пытаюсь запечатлеть в памяти все ее милые черты.

Она не нашла что сказать в ответ и, чтобы скрыть свое смущение, повернулась и быстро зашагала к церкви. Дмитрий смотрел ей вслед и чувствовал горькую растерянность – словно моряк, не нашедший дорогу к заветной гавани. Он и не заметил, что покрывало, откинутое ветром, упало с его лица. Ему вдруг нестерпимо захотелось броситься вслед за боярышней, догнать ее, удержать. Она уже стояла перед церковными воротами, но, прежде чем войти, оглянулась на купца. Ее лицо тоже не было закрыто. Повинуясь безотчетному порыву, Дмитрий сделал шаг за ней вдогонку, – но в этот миг чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Быстро оглянувшись, он увидел за спиной Шумилу.

– Слава тебе, Господи, – сказал новгородец. – А мы с Никифором уже прикидывали, как тебя выручить. Но ты и сам успел... Да только лицо уж закрой,

матушка- игуменья.

Шумило сам натянул покрывало Дмитрию на голову. Клинец снова посмотрел вслед боярышне, но она уже скрылась за церковной оградой. Он тяжело вздохнул, смутно ощущая, как что-то важное и неповторимое проходит мимо. Заветная гавань случайно мелькнула и снова скрылась за туманным горизонтом...

Но было уже поздно что-либо менять. Шумило настойчиво потащил друга в сторону, на ходу приговаривая:

- Ну, Клинец, гуляка ты неисправимый. Как увидел красавицу богомолку, так и про опасность забыл. Стоишь, рот разинув. Хорошо, что тебя заметил я, а не какой-нибудь боярский холоп. Скорей пойдём отсюда, пока нас не обнаружили.

- Куда ты меня ведешь? - спросил Дмитрий, все еще оглядываясь.

В Киеве собственный угол имел только Никифор - при монастыре, где некогда служил его дядя. Однако сейчас отправляться туда, в людное место, было опасно для друзей. Шумило ответил:

- Мы с Никифором нашли пристанище. Гончар Вышата нас приютил.

- Гончар рискует, помогая нам, - заметил Дмитрий.

- Да, но ты ему очень понравился еще после случая на подольском торжище. Ты князя Глеба приструнил, а гончар на него зол из-за своей дочери. Кстати, у Вышаты дочь - красотка. Почти как та, на которую ты только что засмотрелся, но ростом ниже и волосами темней. А та богомолка - ну прямо царица. Жаль, что в монашеском платье. В другое время ты бы, наверное, не упустил случая с ней познакомиться.

- Уже познакомился... да ненадолго, - вздохнув, сообщил Дмитрий.

- Где? Уж не в боярском ли доме? Не подруга ли она боярышни Анны? Подружилась красотка с уродиной!

Клинец вдруг остановился, схватил новгородца за грудки и, нахмурившись, проговорил сквозь зубы:

– Не смей дурного слова молвить о боярышне Анне! Слышишь? Никому не позволю ее порочить!

Шумило от недоумения на минуту потерял дар речи. Однако поссориться друзья не успели: их заметил вездесущий Юрята, который тут же подозвал Никифора и Гнездилу. Обступив купца, они смотрели на него, как на диковину, радуясь и изумляясь его неожиданному освобождению. Но на улице говорить было опасно, а потому все пятеро заспешили в укрытие. Обойдя застроенный хоромами знати Десятинный переулок, свернули в сторону Подола и почти бегом устремились к Гончарному концу.

Разговор возобновили, лишь оказавшись в стенах Вышатиной избы. Вопросы, предположения и советы посыпались наперебой. Один только новгородец отмалчивался, все еще немного обиженный странным выпадом друга.

Дмитрий не мог сказать правду о своем побеге, так как разглашение этой тайны поставило бы под удар боярышню Анну. И потому на все вопросы он ответил коротко:

– Помог мне бежать один очень добрый и благородный человек. Он же дал мне денег на дорогу. Больше ничего не могу вам сказать, лучше и не спрашивайте.

Конечно, имя боярышни Раменской кем-то было названо в разговоре. Но едва лишь смешки прозвучали при упоминании о ней, как Дмитрий тотчас вскинулся и, сердито сверкнув глазами, заявил:

– Боярышня Анна тут вовсе ни при чем. Она меня в мужья себе не требовала и в темницу не сажала. Да и вообще... она гораздо лучше, чем о ней думают. И скоро все это поймут.

Собеседники удивленно переглянулись, услышав такие слова, а Шумило с хмурым видом изрек:

– Клинец так боярышню защищает, что даже непонятно, почему он ее в жены не взял. Но я догадываюсь, откуда ветер дует. Наверное, подружка заступилась перед ним за Анну. А подружка у боярышни, должен вам сказать, лакомый кусочек...

Юрята и Гнездило захихикали, Никифор удивленно поднял брови и тоже не сдержал улыбку, а гончар Вышата нахмурился. Он был человеком строгого нрава и к тому же в глубине души хотел бы видеть приглянувшегося ему купца рядом со своей дочерью, а не с какой-то неизвестной красоткой. Конечно, Вышата понимал, что пока купец в опале, ему нельзя оставаться в Киеве и тем более обзаводиться семьей. Но кто знает, что будет после... Набожный гончар верил в справедливость провидения.

– Хватит уж вам шутки шутить, – проворчал он, вставая с места. – Ты, Юрята, и ты, Гнездило, ступайте лучше к дому боярина. Побродите там, послушайте, не хватились ли беглеца. А тебе, купец, и твоим друзьям надо хорошо подкрепиться перед дорогой. Орина, Надежда, несите еду.

Жена и дочь гончара подали на стол нехитрый, но плотный ужин. Насыщаясь, друзья время от времени поглядывали на юную девушку, что тихо уселась в углу и, не отрываясь, смотрела в маленькое окошко на улицу. Все думали, что она так незаметно держится из-за своей излишней скромности. Только Дмитрий почему-то вдруг догадался, что мысли хорошенькой гончаровны были где-то далеко, – как, впрочем, и его собственные...

После ужина стали обсуждать план побега. Было решено, дождавшись темноты, покинуть город пешком, под видом паломников, но только католических, поскольку их плащи с капюшонами хорошо скрывали лица. Орина отправилась на подворье немецких купцов, где можно было купить подобные одеяния. Из жилища Никифора незаметно была принесена Юрятой сабля Дмитрия, – ибо меч у купца отобрали на боярском дворе. Вышата должен был заранее вывести из города лошадей и ждать беглецов в условленном месте. Верхом «монахи» смогут за ночь отъехать на безопасное расстояние. А дальше, двигаясь вдоль Днепра, будут действовать уже по обстоятельствам. То ли присоединятся к какому-нибудь каравану, то ли сядут на корабль. А не случится такой оказии – значит, сами будут продолжать свой путь. Главное – попасть в Корсунь. Там у Дмитрия и Никифора были знакомые купцы, корабельщики. Да и княжеский гнев вряд ли дотянется за своевольником до самого греческого Херсонеса. Но, чтобы достичь солнечных берегов Тавриды, надо еще преодолеть великую опасную

степь, в которой половцы были такими же всесильными пиратами, как турки на морях...

– Скажи, Вышата, а твои соседи не могут нас выдать? – засомневался Никифор. – Все-таки не каждый день сюда, на Гончарный конец, заходят сразу по три католических монаха.

– Плохо ты меня знаешь, купец, – был ответ. – Я ведь гончар не простой посадский, а вотчинный и работаю для монастырей. Ко мне, бывает, от самого митрополита люди приходят. Неужто, думаешь, мои соседи станут присматриваться, какие рясы на монахах? Нет, в нашем квартале нас никто не выдаст. Главное – удачно выехать из городских ворот. Ну ладно, пора готовить в дорогу лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Раменье – густой лес (старослав.).

2

Тиун – управляющий хозяйством князя или боярина, а также судебный агент.

3

Подол в Средние века был ремесленным и торговым центром Киева.

4

Гридень – воин.

5

Княжий отрок – младший член княжеской дружины.

6

Смерд – крестьянин.

7

Чурила Пленкович – персонаж нескольких былин Киевского цикла, щеголь и дамский угодник.

8

Дон – Северный Донец, куда русские дружины ходили на половцев в 1109 и 1111 гг.

9

Закуп – категория феодально зависимого населения. Закупами становились люди, попавшие в долговую зависимость; часто они обращались в рабство как законными, так и незаконными способами.

10

Семьдесят две ступени – придворные звания византийской табели о рангах.

11

Фряги – итальянцы (в основном генуэзцы и венецианцы).

12

Курень – соединения нескольких, в основном патриархальных, родственных семей у кочевых народов.

13

Корсунь – русское название Херсонеса Таврического.

14

Насад – усовершенствованная ладья с палубным перекрытием и высокими бортами.

15

Теребовльский князь Василько был оклеветан и не без ведома Святополка ослеплен. Это вызвало гнев Мономаха и Святославичей. Малодушный Святополк свалил вину на непосредственного исполнителя злодейства – князя Давида Игоревича.

16

Бирич – должностное лицо; вызывал на суд, собирал подати и штрафы, публично зачитывал указы.

17

Теремом в те времена называли вышку с шатровым верхом над парадной лестницей.

18

Билгород – город на реке Ирпень, близ Киева, важный церковно-политический центр Киевской земли.

19

Черные Клобуки – разноплеменное тюркское население на южных границах Киевского и Переяславского княжеств, подвластное русским князьям.

20

Небольшие выходы к воде у основания городских стен.

21

Вирник – чиновник, решавший уголовные дела.

22

«Русская правда» – юридический кодекс Киевской Руси, изданный на славянском языке в правление Ярослава Мудрого.

23

Огнищанин – именитый гражданин.

24

Кормчая книга – перевод греческого Номоканона – кодекса, регулирующего в Византии церковные и светские отношения.

25

Буняка Шелудивый – прозвище хана Боняка, заклятого врага русичей. В народных сказаниях его отрубленная голова катается по земле и уничтожает все живое на своем пути.

26

Олег Святославич/Гориславич/, князь Тмутараканский, разжигал междоусобную борьбу за власть и неоднократно навел половцев на Русь.

27

Ковшечник – резчик дерева.

28

Поляница – богатырша, воительница (старослав.).

Купить: https://tellnovel.me/devil-_aleksandra/obereg-volhvov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)